

АРХИВЪ
ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОсяЩИХся

ДО РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калачовымъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА,
Въ Типографіи Александра Семенова,
на Софійской улицѣ.
1850.

164570.

ОТЪЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ

ПАМЯТНИКОВЪ

ПО ЧАСТИ

ИСТОРИИ, СТАТИСТИКИ И ПРАВА

ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

I.
ОЧЕРКЪ
ПРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ И РЕЛИГІИ
СЛАВЯНЪ,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВОСТОЧНЫХЪ,
ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСКІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

С. Соловьева.

ОЧЕРКЪ ПРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ И РЕЛИГІИ СЛАВЯНЪ,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВОСТОЧНЫХЪ,
ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСКІЯ.

Правственная природа человѣка такъ сложна, что очень трудно уловить черты его характера, дать ему полную и вѣрную оцѣнку. Сколько противорѣчій, сколько взглядовъ съ разныхъ точекъ зрѣнія встрѣчаемъ мы при оцѣнкѣ характера одного какого нибудь человѣка? тѣмъ труднѣе уловить черты характера цѣлаго народа. Менѣе трудно это сдѣлать, когда народъ уже сошелъ съ исторической сцены: ясно для насъ различіе въ характерѣ Грековъ и Римлянъ по самому различію ихъ дѣятельности, ихъ историческаго значенія. Труднѣе очертить характеръ народа живаго, еще не окончившаго свое историческое поприще, хотя и здѣсь можно еще уловить нѣкоторыя характеристическія черты, если народъ прожилъ уже много вѣковъ, ознаменовалъ чѣмъ нибудь свое историческое бытіе, высказался въ литературныхъ, художественныхъ произведеніяхъ. Но всего труднѣе опредѣлить характеръ народа младенствующаго, который не высказался ничѣмъ, о которомъ дошли до насъ отрывочныя извѣстія чужеземцевъ, или и своихъ, но уже отдаленныхъ вѣками и смотрѣвшихъ на нравы и обычаи предковъ съ извѣстной точки зрѣнія, мѣшающей вѣрной оцѣнкѣ. Эти размышленія заставляютъ насъ быть осторожными въ опредѣленіи народнаго характера Славянъ; не позволяютъ намъ произносить рѣзкихъ, рѣшительныхъ приговоровъ въ томъ, или другомъ смыслѣ.

Сличивъ извѣстія современниковъ—чужеземцевъ, мы находимъ, что вообще Славяне своею нравственностію производили

на нихъ выгодное впечатлѣніе: простота правовъ славянскихъ находилась въ рѣзкой противоположности съ непорченными правами тогдашнихъ образованныхъ и полуобразованныхъ народовъ. Такъ встрѣчаемъ отзывы, что злые и лукавые попадаются очень рѣдко между Славянами (1). Доброта не исключала впрочемъ свирѣпости и жестокости въ извѣстныхъ случаяхъ; тотъ же самый писатель, Прокопій, который хвалитъ доброту Славянъ, рассказываетъ ужасы объ обхожденіи ихъ съ плѣнными (2); Адамъ Бременскій и Гельмольдъ также говорятъ о свирѣпости Славянъ противъ проповѣдниковъ Христіанства; здѣсь не слѣдуетъ удивляться противорѣчію свидѣтельствъ: такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влеченіямъ одной только природы.—Прокопій называетъ Славянъ не лукавыми: по видимому противный отзывъ находимъ у Императора Маврікія, который называетъ ихъ вѣроломными (*ἄπιστοι*). Но Маврікій тотчасъ же и объясняетъ эту черту ихъ характера: между ними, говоритъ онъ, господствуютъ постоянно различныя мнѣнія: ни въ чемъ они между собою несогласны; если одни въ чемъ нибудь соглашались, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому (3).

Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепріимство Славянъ. Императоръ Маврікій говоритъ о южныхъ Славянахъ, что они ласковы къ иностранцамъ, съ усердіемъ провожаютъ ихъ изъ одного мѣста въ другое, и если случится, что странникъ претерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина,

(1) Прокопій: *Πονηροὶ μὲν τοὶ ἢ κακῆργοι ὡς ἤκιστα τυγχάνουσιν οἱ ντες.*

(2) Procop. de Bello Gothico, l. III, cap. 13.

(3) *Ἄπιστοι δὲ εἰσι παντοίως καὶ ἀσύμφωνοι περὶ τὰς συνδηίας, φώβω μᾶλλον ἢ δώροις εἰκοντες. Διαφόροι γὰρ γνώμης κρατῆσης ἐν αὐτοῖς, ἢ ἢ συμβαίνουσιν, ἢ καὶ συμβαινόντων αὐτῶν τὰ δοκῆντα συντόμως ἕτεροι παραβαίνουσι, πάντων ἐναντίων, ἀλλήλους φονέντων καὶ μηδενὸς τῷ ἐτέρῳ παχωρεῖν βελομένων.*

то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отомстить за странника (1). Гельмольдъ въ тѣхъ же самыхъ словахъ описываетъ гостепріимство Славянъ сѣверныхъ, прибавляя, что у нихъ считалось дозволеннымъ даже украсть для угощенія (2).—Гостепріимство есть черта, принадлежащая не однимъ Славянамъ: у Грековъ нарушить долгъ гостепріимства значило оскорбить высшее божество—Зевеса; и теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей сѣверной Америки. Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе, чѣмъ съ большими опасностями сопряжено оно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ народъ обязанность гостепріимства; особенно сильно чувствуютъ въ себѣ эту обязанность тѣ народы, которые сами подвергаются безпрерывной опасности изгнанія, всегда готовы взять въ руки странническіи посохъ, и предаться на волю судьбы и добрыхъ, гостепріимныхъ людей; слѣд. Славяне, народъ, болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ столкновеніямъ и съ своими и съ чужими, безпрестанно подвергавшійся нападенію и изгнанію, долженствовалъ быть однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ народовъ. Но кромѣ состраданія, гостепріимство имѣло еще и другія причины: для народа, живущаго въ простотѣ нравовъ, чужестранецъ, странникъ былъ явленіемъ важнымъ, любопытнымъ; сколько наслажденій могъ онъ доставить разсказомъ о своихъ походахъ! Съ

(1) *Εἰσὶ δὲ τοῖς ἐπιξενυμένοις αὐτοῖς ἥπιοι, καὶ φιλοφρονέμενοι αὐτῶς διασώζουσιν ἐκ τόπου εἰς τόπον ὃ ἂν θέωνται, ὡς εἶγε δι' ἀμέλειαν τῇ ὑποδεχομένῃ συμβῇ τὸν ξένον βλαπτήρνα. πόλεμον κινεῖ κατ' αὐτὸν ὁ τέτον παραθέμενος σέβας ἡγούμενος τὴν τῷ ξένῳ ἐκδίχισιν.*

(2) Lib. I, cap. LXXXII. Quidquid enim agricultura, piscationibus, seu venatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt, eo fortiores quemque quo profusorem jactitantes, cujus ostentationis affectatio multos eorum ad furta vel latrocinia propellit. Quae utique vitiorum apud eos quidem venialia sunt, excusantur enim hospitalitatis palliatione. Slavorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris, crastina hospitibus disperties. Si quis vero, quod rarissimum est, peregrinum hospitio removisse deprehensus fuerit, hujus domum vel facultates incendio consumere licitum est atque in id omnium vota pariter conspirant, illum inglorium, illum vilem et ab omnibus exhibendum dicentes qui hospiti partem negare non timuisset.—Lib. II. cap. XII.

другой стороны, человекъ много странствовавшій, слѣд. много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ; отъ такого человека можно было многому научиться, оскорбить его считалось ненавистнымъ божеству и людямъ. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище, очагъ каждаго дома былъ мѣстопробываніемъ домашняго божества; странникъ, входившій въ домъ, отглавался подъ покровительство этого божества, и оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконецъ, странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человекѣ и плѣмѣ племени гостепріимномъ; Мономахъ говоритъ въ поученіи: «Болѣе же чтите гостя, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ; тѣмъ мимоходячи прославятъ человека по всѣмъ землямъ, либо добрымъ, либо злымъ» (1). Что у нѣкоторыхъ Славянъ именно существовало такое побужденіе къ гостепріимству, нѣкотораго рода хвастовство щедростію, тароватостъ, не разбирающая средствъ, указываютъ вышеприведенныя слова Гельмольда, и нельзя сказать, чтобы эта черта истребилась изъ народнаго характера.

Писатели хвалятъ обхожденіе Славянъ съ плѣнными. Императоръ Маврикій говоритъ, что у Славянъ плѣнники не рабствуютъ плѣнныи вѣкъ, какъ у другихъ народовъ; но что назначенъ извѣстный срокъ, по простествіи котораго они вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между Славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей (2). Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи, бываетъ силь-

(1) Полн. собр. Русск. лѣтоп. I, стр. 102.

(2) *Τῆς δὲ ὄντας ἐν ταῖς ἀχμαλώσιαις παρ' αὐτοῖς, ἐκ ἀορίστου χρόνου, ὡς τὰ λοιπὰ ἔθνη, ἐν δουλείᾳ κατέχουσιν, ἀλλὰ ἑτητὸν ὀρίζοντες αὐτοῖς χρόνον, ἐν τῇ γνώμῃ αὐτῶν ποιῶνται, εἴτε θέλουσιν ἐν τοῖς ἰδίοις ἀναχωρεῖσαι, μετὰ τινος μισθοῦ ἢ μένουσιν ἐκεῖσε ἐλεύθεροι καὶ φίλοι.*

но, во первыхъ, у народовъ нѣсколько цивилизованныхъ, у которыхъ хозяйственныя и общественныя отправления сложны, роскошь развита; во вторыхъ, рабы пужны народамъ, хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятіе войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличнымъ для свободнаго человѣка, а всѣ остальные хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкнуть: для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтаетъ рабовъ посредствомъ купли, или воинствененъ и пріобрѣтаетъ ихъ какъ добычу, или долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но Славяне, во первыхъ, жили подъ самыми простыми формами быта, быта родового, ихъ хозяйственныя отправления были не трудны и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ этомъ и при постоянной готовности покинуть свое мѣстопробываніе и спастись отъ врага, рабы могли только затруднять Славянское семейство, и потому не имѣли большой цѣнности. Во вторыхъ, Славяне вообще не были народомъ воинственнымъ и вовсе не гнушались земледѣльческими занятіями; наконецъ они не сдѣлали привычки къ рабамъ, не будучи завоевательнымъ и цивилизованнымъ народомъ. У народа, въ простотѣ родового быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи; онъ бываетъ также младшимъ членомъ ея, малымъ, юнымъ; степень его повиновенія и обязанностей ко главѣ семьи одинакова со степенью повиновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику; отсюда пма раба смѣшивалось съ именемъ младшаго члена семьи; что рабъ значило *малый*, *юный*, доказательствомъ служить производное *ребенокъ* или *ребенокъ*; также производные глаголы: отъ *робъ* или *рабъ*—*роблю*, *умалюсь духомъ*, точно такъ какъ *унываю* находится въ связи съ *юный* или *уный*; отсюда же слово *уенинъ* (1); отрокъ означаетъ мальчика и раба.

---

(1) Уныый, юный. Ср. Санскр. *уна*, *минор*,

Писатели хвалят цѣломудріе Славянскихъ женщинъ и привязанность ихъ къ мужьямъ (1), за которыми онѣ слѣдовали даже въ могилу. При формахъ родового быта, когда вся жизнь замыкалась въ семьѣ, отдѣленной отъ другихъ, молодая женщина находилась подъ строгимъ и ревнивымъ надзоромъ новыхъ родственницъ, для которыхъ она была чужанкою. При замкнутости въ чужой семьѣ, мужъ былъ единственнымъ существомъ, отъ котораго она ждала и любви и покровительства; умри мужъ — положеніе жены, лишенной единственной поддержки, единственного звѣна, соединявшаго ее съ чужою семьею, становилось горько, нестерпимо: она предпочитала смерть. Разумѣется, что здѣсь могли также участвовать и понятія о будущей жизни, гдѣ должны были продолжаться прежнія отношенія.

Выше было сказано, что Славяне жили подъ формами родового быта; этого обстоятельства не должно упускать изъ виду при описаніи древнихъ обычаевъ Славянскихъ. Такъ какъ мы преимущественно обращаемъ вниманіе на Славянъ восточныхъ, то, при описаніи правовъ и обычаевъ ихъ, главнымъ руководителемъ долженъ быть начальній нашъ лѣтописецъ. Мы замѣтили, что на иностранныхъ писателей нравы Славянъ произвели благоприятное впечатлѣніе, и они отзываются объ нихъ съ похвалою; вовсе не такъ снисходительны къ древнимъ Славянскимъ правамъ и обычаямъ свои писатели, духовные христіанскіе, которые съ омерзѣніемъ смотрѣли на все то, что напоминало о древнемъ язычествѣ. Въ такомъ духѣ писалъ и нашъ начальній лѣтописецъ. Исключая Полянъ, имѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе, стыдливыхъ передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровьями и деверями, имѣвшихъ брачный обычай, нравы остальныхъ племенъ у него описаны черными красками: Древляне жили по скотски, убивали другъ друга, жили все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинакойъ обычай: жили

---

(1) *Маерикій*: Σωφρονεῖσι δὲ ἡ θήλειά αὐτῶν ὑπερ πάσαν φύσιν ἀνδρώων, ὥστε τὰ πολλὰ αὐτῶν τὴν τῶν ἰδίων ἀνδρῶν τελευτὴν ἰδίαν ἡγεῖσθαι θάνατον, καὶ ἀποπνίγειν ἑαυτὰ ἐκασίως, ἐχ' ἡγέρμενα ζῶν τὴν ἐν χηρείᾳ διαγωγὴν. — *S. Bonifac*: Vinedi tam magno zelo matronarum amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset.

въ лѣсу какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но играца между селами, гдѣ, сговорившись, молодые люди похищали себѣ женъ; имѣли по двѣ и по три жены. Если кто умреть, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ, и собравши кости, складывали въ малый сосудъ, и ставили на столѣ, на распутіи (1).

Но внимательномъ разсмотрѣніи этого описанія, мы не можемъ не замѣтить, что лѣтописецъ, вѣрный понятіямъ своего времени, преимущественно обращаетъ вниманіе на семейныя нравы и обычаи племенъ, въ нихъ полагаетъ различіе между послѣдними. Такъ Поляне, по его словамъ, отличались чистотою семейныхъ нравовъ, члены семьи были стыдливы другъ передъ другомъ. Основа семьи, узелъ ея — это бракъ, который тогда, при господствѣ родового быта, при замкнутости родовъ, имѣлъ самое важное значеніе: бракъ вводилъ въ семью новое, чужое совершенно лице, перемѣнялъ отношенія, однимъ словомъ, былъ единственнымъ событіемъ, которое сильно волновало родъ, безъ того неподвижный при особности и замкнутости своей. Но если бракъ у Славянъ былъ событіемъ такой важности, то ясно, какъ важно было различіе во взглядѣ на это явленіе у разныхъ племенъ. Это-то различіе въ обычаяхъ брака лѣтописецъ и приводитъ какъ основное нравственное различіе между племенами. Поляне имѣли брачный обычай: женихъ не ходилъ за невѣстою, но ее *приводили* (2) вечеромъ, а на другое утро приносили по ней то, что дадутъ. Здѣсь лѣтописецъ хочетъ показать, что у Полянъ бракъ совершался съ согласія родственниковъ невѣсты; но предположивъ согласіе послѣднихъ, нужно заключить о мирныхъ, пріязненныхъ отношеніяхъ между родами, вступающими въ свойство; если мы примемъ чтеніе Лаврентьевскаго списка: «а завѣтра приношаху *по ней*, что владуче,» то подъ *приношаху по ней, что владуче*, мы не можемъ разумѣть ничего иного, кромѣ приданаго: при-

(1) Н. С. Р. Л. I, стр. 6.

(2) Отсюда выраженіе *водила* въ значеніи жены по преимуществу, законной жены (Н. С. Р. Л. I, стр. 34): «И быша ему (Владимиру) *водили*..... а наложницъ бѣ у него 300 Вышегородъ,» и проч.

носили по ней, въ слѣдъ за нею, т. е. изъ родительскаго дома; подразумѣвать здѣсь подарокъ жениха невѣстѣ странно: женихъ дарилъ, и между тѣмъ къ нему въ домъ приносили, неизвѣстно откуда, въ слѣдъ за невѣстою? Что *приношаху по ней, что вѣдадуе*, означаетъ приданое, указываетъ нынѣ употребительное выраженіе: *взять за женою*, *взять то, что будетъ принесено за женою*. Но есть другое чтеніе, чтеніе Ипатьевского списка, которое мы считаемъ древнѣйшимъ, и которое прямо указываетъ на куплю: «А завѣтра приношаху что на ней вѣдадуе». На куплю также указываетъ *вѣно* съ производнымъ *вѣнати* (1). Во всякомъ случаѣ странно было бы предположить, что обычай купли, существовавшій у всѣхъ народовъ (2), не существовалъ первоначально у Славянъ, особенно при условіи того разрозненнаго родового быта, въ которомъ жили Славяне, и при такихъ обычаяхъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, говоря о большей части племенъ. «У Древлянъ брака не бываше, но умыкнуваху у воды дѣвця;» у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ: «брацѣ не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ неюже кто съвѣщашеся; пмыху же по двѣ и по три жены.» Похищеніе, при разрозненности и враждебности родовъ, необходимо (3). Будучи слѣдствіемъ разрозненности и вражды, похищеніе дѣвницъ, въ свою очередь, производитъ вражду между родами; родъ, оскорбленный

---

(1) Не пять ли птицъ *вѣнаться* пѣннзема двѣма. *Miklostich, Radices linguae Slovenicae*, p. 14.

(2) *Aristot, Polit. 2, 8: Τὰς γὰρ ἀρχαίας νόμους λίαν ἀπλῆς εἶναι καὶ βαρβαρικὰς ἐσιδηγοροῦντό τε γὰρ οἱ Ἕλληνες, καὶ τὰς γυναικάς ἐωνῶντο παρ' ἀλλήλων.*—*Grimm's Deutsche Rechtsalterthümer*, 421 et squ.

(3) Путешеств. въ Черногорію. Соч. А. Попова, стр. 162. «Во время сильнаго развитія родового устройства, судьба женщины унижалась. Каждый членъ одного рода, соперничая съ другимъ, стыдится просить себѣ жену въ другомъ родѣ. Если правилась ему дѣвица, то просто похищали ее и тайно вѣнчались. Этотъ обычай особенно былъ распространенъ въ Бердѣ. Иногда похищали и чужихъ женъ. Но съ уничтоженіемъ родового устройства, это измѣнилось.»—См. также прекрасный разборъ сочиненія г. Терещенки (Бытъ Русскаго народа), сдѣланный К. Д. Кавелинымъ въ Современникѣ.

похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ дѣвицъ; похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе. Но кромѣ этого, купля невѣстъ происходитъ естественно еще изъ другихъ причинъ: при разрозненности, отчужденности родовъ, долженъ необходимо развиться родовой эгоизмъ, который заставляетъ смотрѣть на женщину, съ самаго дня ея рожденія, какъ на чужую, назначенную для чужаго рода; родственники содержать дѣвушку, кормятъ и одѣваютъ ее не для себя, для чужихъ: отсюда естественно, что они будутъ требовать отъ рода, въ который дѣвушка переходитъ, вознагражденія за ея содержаніе; однимъ словомъ, произхожденіе купли невѣстъ одинаково съ произхожденіемъ позднѣйшей платы за выводъ, или выводной кунницы. На это ясно указываетъ обрядъ теперешней простонародной свадьбы въ нѣкоторыхъ областяхъ Русскихъ: «подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ. Дружко спрашиваетъ его: за чѣмъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру.—Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко.—А ежели она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ.—Чтоже ты издержалъ? спрашиваетъ дружко.—Много! восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, и проч. Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. По продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ за стола; на его мѣсто садится князь (женихъ) (1).»—

Обычай купли могъ поддерживаться и по другимъ причинамъ: родъ, купившій дѣвушку, слѣд. взявшій ее въ полную собственность, лишалъ ее черезъ это всякой самостоятельности, и это давало ему ручательство въ безпрекословномъ ея повиновеніи и прочности брака; такимъ образомъ купля была

---

(1) Быть Русскаго народа, соч. А. Тереженки, ч. II, стр. 317, 318.

выгодна для обѣихъ сторонъ (1). Но ясно, что такой родовой эгоизмъ долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе въ родительской любви, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе приданого. Обычай давать приданое долженъ былъ произойти и распространиться преимущественно въ такъ называемыхъ городахъ, мѣстахъ, гдѣ на близкомъ другъ отъ друга разстояніи жило много родовъ; близость поддерживала тѣсныя, родственныя отношенія между родами, вошедшими въ связь посредствомъ брака своихъ членовъ; привязанность отца къ дочери поддерживалась частыми свиданіями, отецъ получалъ возможность наблюдать за поведеніемъ новыхъ родныхъ относительно дочери, за ея интересами; дочь не выходила изъ рода, но распространяла родъ, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа; произошло явленіе, которое замѣчаемъ мы въ отношеніяхъ между Русскими Князьями, и которое, безъ сомнѣнія, имѣло мѣсто и въ другихъ родахъ, а именно: племя дочери, сестры стало сравниваться по отношеніямъ съ племенемъ сына, брата, даже свойственники вошли въ отношенія родственниковъ; такъ *сестричичъ*, сынъ сестры, хотябы принадлежалъ къ враждебному роду, считался *своимъ*; такъ мужъ старшей сестры считался старшимъ братомъ относительно младшихъ шурьевъ, старшій шуринъ относительно младшихъ зятьевъ. Но если нѣжность родительская, при посяганіи упомянутыхъ обстоятельствъ, стремилась къ уничтоженію купли дочерей и ко введенію въ обычай приданого, то эгоизмъ рода долженъ былъ найти себѣ защитниковъ въ братьяхъ певѣсты, которыхъ интересъ страдалъ отъ того, что они не только не вознаграждались за содержаніе сестры во время ея дѣвической жизни, но еще отъ нѣхъ родовой собственности отнималась часть для ея приданого. Отсюда обычай прида-

---

(1) Ne quis uxorem nisi emptitiam duceret, venalia siquidem connubia plus stabilitatis habitura censebat (Frotho), tutiorem matrimonii fidem existimaus, quod pretio firmarentur. *Saxo Gram. Lib. 3, p. 88.*

наго долженъ былъ встрѣтить себѣ сильныхъ противниковъ въ братьяхъ невѣсты, которые, безъ вѣдома родителей, могли дѣлать всевозможныя препятствія браку сестеръ, пользуясь особенно своею физическою, молодецкою силою; отсюда необходимость со стороны жениха и его родичей задаривать братьевъ невѣсты, чтобъ они не мѣшали дѣлу, выкупать у нихъ сестру. О помѣхѣ, которую дѣлали братья при бракѣ сестеръ, и о выкупѣ у нихъ послѣднихъ свидѣлствуютъ очень ясно простонародныя наши свадебныя обряды, такъ напр. «Женихъ сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой нибудь свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре (проводатые), сѣвъ на своихъ лошадей, обращаются за нимъ въ погоню. Схвативъ его, ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею потчуютъ виномъ; тотъ кланяется и не пьетъ. Тогда дружка выпиваетъ вмѣсто его, и наливая другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты; тотъ опять отказывается. Дружка спрашиваетъ: что тебѣ надобно?—Денегъ.—Дружка вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается и, взявъ обнаженную саблю, садится подлѣ невѣсты.» Окончаніе обряда приведено выше. Кража лошади у жениха братомъ невѣсты и бѣгство его показываетъ ясно, что братъ невѣсты употреблялъ всѣ средства, чтобъ на счетъ жениха вознаградить себя за выводъ сестры изъ рода безъ продажи и даже съ приданымъ (1).

Легко понять, что въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, у разныхъ племенъ, въ одно и тоже время могли быть разные обычаи относительно брака: въ то время какъ у однихъ, преимущественно въ городахъ, совершался бракъ съ согласія родителей невѣсты, даже могло быть въ обычаѣ приданое, у другихъ похищали дѣвицъ. На обычай похищенія дѣвицъ на игрищахъ ука-

---

(1) На это указываетъ также извѣстная пословица: «Тестъ любить честь, зять любить взять, теща любить дать, а туринъ глаза жмурить — дать не хочется.»

зываетъ разсказъ Боплана о древнемъ Украинскомъ обычаѣ похищенія дѣвицъ на праздникахъ (1). На это же указываетъ обычай раскольниковъ: «Между нѣкоторыми расколами бракъ не считался дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Такое обыкновеніе было въ употребленіи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ иштейный домъ, на гулянье, называемое кирманъ, плясать, нѣтъ и веселиться. Отцы и матери знали, къ чему клонилось веселье, потому что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кирманъ, и, посадивъ на сани, отправлялся въ лѣсъ къ заветному дубу: объѣзжалъ его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье. Въ Люценскомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ: мужчины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, и бракъ былъ дѣйствителенъ» (2). На этотъ же языческій обрядъ, сохраненный раскольниками, указываетъ извѣстіе о Разинѣ, который будто бы на Дону велѣлъ вѣнчать людей около деревьевъ (3).—Слова лѣтописца: «Брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвицъ,» объясняются словами Митрополита Кирилла, который говоритъ: «Въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты *водятъ къ водѣ* и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклѣпнати новелѣваемъ (4).» На употребленіе воды при бракахъ указываютъ также правила Іоанна Митрополита, гдѣ говорится объ языческомъ обрядѣ *плесканія*, употреблявшемся при свадьбахъ (5).

Похищеніе женъ, насильственное или съ согласія похищенной сдѣланное, не могло условливать уваженія къ женщинѣ и стыд-

(1) Description d'Ukraine, p. 63.

(2) Терещенко, Бытъ Русск. народа. т. II, стр. 28.

(3) Рителманъ, Исторія Донскаго войска.

(4) Востокова, Опис. Рум. Муз. стр. 321.

(5) Оже не бываютъ на простыхъ людехъ благословеніе вѣнчанія, но бояре токмо и Князи вѣнчаются; простымъ же людямъ яко именемъ и *плесканіемъ*.... Русск. достопамят. I, 101.

ливости въ члѣпахъ семьи: «срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами.» Постоянная вражда между родами ввела въ обычай безстыдную брань, оскорбляющую родъ..... При такихъ понятіяхъ что могло заставить человѣка ограничиться одною добычею? что мѣшало ему имѣть двѣ и три жены? «Имяху же по двѣ и по три жены,» говоритъ лѣтописецъ (1).

Послѣ брачнаго обычая, въ которомъ рѣзче всего выражаются нравственныя понятія народа, для лѣтописца, христіанскаго монаха, былъ всего важнѣе обычай погребенія, въ которомъ выражаются обыкновенно понятія народа о духовности человѣка, о загробной жизни. Обычай погребенія у Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ и Кривичей состоялъ въ томъ, что надъ покойникомъ совершали тризну, потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столѣ на распутии. Въ чемъ состоялъ обычай погребенія у Полянъ во времена язычества, объ этомъ лѣтописецъ молчитъ, и тѣмъ даетъ знать, что обычай Полянъ былъ одинаковъ съ обычаемъ другихъ племенъ. Что *тризна* была въ употребленіи и у Полянъ, видно изъ того, что св. Ольга, жившая въ Кіевѣ, среди этого племени, запретила совершать по себѣ тризну. Подъ именемъ тризны не лѣзя разумѣть ничего иного, какъ игры въ честь умершаго, борьбы, и т. п. Въ рукописныхъ бесѣдахъ Іоанна Лѣтвичиника слово *тризна* переведено *подвижъ* (2). У Западныхъ Славянъ слово *тризна*, въ смыслѣ поминновенія по усопшемъ, употребляется только у Вацерада (228); собственно это слово означало также бой, поединокъ, тризнице—мѣсто боя, тризникъ—подвижникъ; тризнити по Чешски значить бить, а тризновати не только бить, но и насмѣхаться, тоже слѣд. что наше трупить; въ Словацкомъ трузнитися, тризнитися знач. веселиться. Въ словарѣ Павлы Беринды: «*тризнице*: мѣстце, гдѣ

(1) Обычай многоженства сохранился и долго послѣ: Митрополитъ Іоаннъ въ правилахъ говоритъ: «Тоже створи, иже бес труда и бе-сраха и бе-срама двѣ женѣ имѣють.» Русск. Достопамят. I, 91.

(2) Восток. Опис. Румянц. Музея. N CC. Въ Новгородскомъ словарѣ XV вѣка *тризна* переведено: *страданіе, подвижъ*. Сахарова: «Сказ. Русск. народа», т. II.

бываютъ поединки, або шпрмѣрства, або боіованья, выгѣчки, або куглярства, и пныи таковыи, отъ сего патрпжненіе, звп-
тязства увелбенье, мзда, даръ звптязства.» Поминки состоя-
ли въ веселомъ, пьяномъ пиру. Теофилактъ (1), описывая впаде-
ніе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Дуная,
говоритъ, что онъ наналъ на князя Мусокія въ расплохъ, ког-
да тотъ, празднуя поминки по братѣ своемъ, былъ пьянъ, а
народъ его забавлялся пѣснями. У нашего лѣтописца читаемъ
о тризнѣ по Игорѣ (2): «И посла къ Деревлянѣмъ (Ольга), рѣку-
щи спце: Се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ
градѣ, ндѣже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ
его, и створю тризну мужю своему.—Они же то слышавше,
съвезоша меды многи зѣло, възварина. Ольга же, помине
мало дружины, легко идущи приде къ гробу его, плакася
по мужи своемъ; и повелѣ людемъ своимъ съсуги могилу ве-
лику; яко соспоша, и повелѣ тризну творити. По семъ сѣдо-
ша Деревляне пити..... Яко унишася Деревляне, повелѣ отро-
комъ своимъ пити на ня (3).» У Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ и
Кривичей, по свидѣтельству лѣтописца, мертвыхъ сожигали, и
пепелъ собравши въ сосуды, ставили на придорожныхъ стол-
пахъ; впрочемъ, какъ видно, одновременно съ этимъ обычаемъ
существовалъ и обычай погребенія въ могилахъ, преимуще-
ственно на мѣстахъ видныхъ, холмахъ и горахъ: Аскольда и Дира
погребли на горѣ; Ольга велѣла насыпать надъ Игоремъ могилу
велику, и проч. Не должно думать, однако, чтобъ этотъ обы-
чай былъ чуждъ племенамъ Славянскимъ, былъ занесенъ Ва-
рягами изъ Скандинавіи: онъ существовалъ и у другихъ пле-
менъ, не знавшихъ Варяговъ, напр. у Поляковъ (4); въ Крале-

---

(1) *Stritteri Memor. Popul* II, 61.

(2) Н. С. Р. Л. I, 24.

(3) Это выраженіе: «повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня» также замѣчатель-
но: не было ли обычай питъ въ погнбелъ кому-нибуль, какъ питъ за здравіе.

(4) *Mugossi Histor. Polon. L. 1, p. 33. Ad cujus (Gracchi) exequias honestan-
das, primum Polonorum proceres, caeterumque vulgus promiscuum accurrit,
et juxta morem illius temporis, cadaver suum in monte Lassotino, qui Cra-
coviensi urbi confrontatus est, justo honore et comploratione sepelivit.*—Тамъ
же о погребеніи Ваулы, стр. 37.

ворск. рукописи современно упоминаются два эти обряда: сожжение и закапывание въ могилы.

Изъ свидѣтельствъ всѣхъ писателей, и своихъ и чужихъ, оказывается, что Славянскія племена жили подѣ формою родового быта. Каждая многочисленная, разветвленная семья или родъ жилъ особо, подѣ управленіемъ своего родоначальника, имѣя свой обычай; объ этомъ прямо свидѣтельствуемъ лѣтописецъ, говоря: «Живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ.» Эти родоначальники носили разныя названія — старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у Славянъ Русскихъ. Слово *князь* или *конязь* происходитъ отъ корня *конъ*, предѣлъ, граница, вершина, начало; корень же *кон* происходитъ отъ Санскритск. *джан*—рождать, и *князь* въ санскрит. имѣетъ себѣ соотвѣтственные: джанака, джанитри, откуда латинск. *genitor* (1). Слѣд. *князь* имѣетъ значеніе чисто родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства. Отсюда древнее названіе повобрачныхъ *князь* и *княгиня*, потому что вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго проізоити отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода Варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр. «Се Кій княжаше въ родѣ своемъ.... И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ *княженъ* въ Поляхъ.» Или: «Наши *князи* добри суть, иже распасли суть Деревьску землю.» Значеніе князя или старшины рода понятно, если этотъ старшина есть отецъ, дѣдъ, прадѣдъ младшихъ членовъ рода: онъ пользуется властію отцовскою надъ дѣтьми. Но если этотъ патріархъ умираетъ, то для рода является необходимость избирать ему преемника, который бы сталъ для младшихъ членовъ *въ отца мѣсто*, какъ выражались въ послѣдствіи наши Князья. Такъ извѣстная старинная Чешская пѣсня говоритъ: «Когда умереть глава племени, то всѣ дѣти сообщна пользуются имуществомъ, выбравши себѣ изъ роду своего владыку.» — Такъ теперь у южныхъ Славянъ, удержавшихъ

---

(1) *Буслаева*:—О вліаніи Христ. на Славян. яз., стр. 164.

формы древняго родового быта, часто деревня состоитъ изъ одной семьи, которая управляется сама собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, *старшины*. Этотъ судья или отецъ не всегда бываетъ физически самымъ старшимъ въ родѣ; онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе — *посадить князя*; избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, вноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи домовладыки, какъ жреца, потому что, окруженный всѣми родичами, торжественно кадитъ домашній иконостасъ (1). Изъ исторіи отношеній между Русскими Князьями мы знаемъ также, какимъ исключеніямъ подвергался обычай давать княженіе всегда старшему въ родѣ, знаемъ, какъ измѣнились понятія о старшинствѣ, какъ терялись права на старшинство въ слѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, личныхъ отношеній, и т. п. особенно когда родъ дробился все болѣе и болѣе, линіи расходились и родственная связь ослабѣвала; отсюда необходимо происходила вражда, усобица между членами рода и линіями, отъ нихъ произходившими. Естественно предположить, что такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторженіемъ нѣкоторыхъ линій отъ общей родовой связи и выселеніемъ ихъ на другія жилища; но такъ какъ причиною выселеній была вражда, то ясно, что выселившіеся линіи, образовавшись въ особые роды, не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прежними родичами. Таковы были необходимыя слѣдствія родового быта, подъ формами котораго жили Славяне. Проконій говоритъ, что они не повинуются одному властителю, но изъ начала живутъ при народномъ правленіи (2); это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикія,

---

(1) *Les Slaves de Turquie*, par M. Cyprien Robert, I, p. 78, 79.

(2) *Οἱ κ' ἄρχονται πρὸς ἀνδρὺς ἑνὸς, ἀλλ' ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιᾷ βιοτεύουσι.*

который говоритъ, что у Славянъ много царьковъ (1), ибо, съ одной стороны, князья, старшины родовъ могутъ являться въ видѣ правителей, съ другою, родовыя отношенія младшихъ членовъ рода къ старшему не могли быть понятны для Грека, привыкшаго къ отношеніямъ государственнымъ, и онъ поэтому имѣлъ поводъ сказать, что Славяне живутъ въ демократіи; да и самъ Маврикіи, который упоминаетъ о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что Славяне не знаютъ правительства (*ἀναρχα*) (2). Но всѣ писатели, хваля Славянъ, между тѣмъ единогласно говорятъ объ ихъ несогласіи, сильной враждѣ другъ съ другомъ; эти свидѣтельства могутъ быть объяснены только родовымъ бытомъ. Маврикіи говоритъ, что Славяне питаютъ другъ къ другу ненависть (3); онъ же говоритъ, что они ни въ чемъ не могутъ согласиться другъ съ другомъ, и что положить одни, на то не рѣшятся другіе, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такъ какъ у нихъ много цариковъ, продолжаетъ Маврикіи, и эти царики между собою несогласны, то полезно привлекать нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону (4).

Но при всеї враждебности отношеній, какая могла существовать между родами, необходимость перѣдко должна была заставлятъ ихъ соединяться въ общихъ совѣщаніяхъ; являлись *вѣча*, *сходки*. О вѣчахъ упоминаетъ Проконій, говоря, что у Славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ (5). По вѣроятностямъ, сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, младшіе же члены

(1) *Πολλῶν δὲ ὄντων ῥηγῶν.*

(2) Тоже самое говоритъ *Адамъ Бременскій*: *Nullum inter se pati dominum volunt.*

(3) *Μισᾶλληλα ὄντα.*

(4) *Πολλῶν δὲ ὄντων ῥηγῶν καὶ ἀσυμφώνως ἐχόντων πρὸς ἀλλήλους, οὐκ ἄτοπον τινὰς αὐτῶν μεταχειρίζεσθαι ἢ λόγοις ἢ ὤμοις καὶ μάλις αὐτὸς ἐγγυτέρω τῶν μεθ' αὐτῶν, καὶ τοῖς ἄλλοις ἐπέρχεσθαι, ἵνα μὴ πρὸς πάντας ἐχθρὰ ἔνωσιν, ἢ μοναρχίαν ποιήσῃ.*

(5) *Καὶ διὰ τῆτο αὐτοῖς τῶν πραγμάτων ἀεὶ τότε ξύμφορα καὶ τὰ δύσκολα εἰς ποινὸν ἄγεται.*

рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ. У насъ при первыхъ Князьяхъ мы не видимъ вѣчей, но *старцы*, вмѣстѣ съ княжескими боярами, участвуютъ при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ; потомъ старцы исчезаютъ и являются вѣча общенародныя, знакъ ослабленія родового быта въ городахъ, знакъ того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значеніе. На участіе однихъ старцевъ въ вѣчахъ указываетъ разсказъ лѣтописца о Бѣлгородскомъ вѣчѣ, бывшемъ при св. Владимірѣ по случаю осады Бѣлгорода Печенѣгами. Бѣлгородцы, не получая помощи отъ Князя, созвали вѣче и рѣшились сдаться Печенѣгамъ. Но одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, и когда узналъ объ его рѣшеніи, то послалъ за городскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ перемѣнить опредѣленіе вѣча: здѣсь все дѣло идетъ между одними старцами, которые одни имѣютъ власть перемѣнять рѣшеніе вѣча, не созывая новаго (1). Наконецъ въ приведенной выше старинной Чешской пѣснѣ говорится, что только одни владыки родовъ ходятъ на снѣмы или вѣча (2). Слово *въче* означало неопредѣленно всякое совѣщаніе, всякой разговоръ; изъ этой неопредѣленности значенія видно уже, что вѣче не могло имѣть какихъ-нибудь опредѣленныхъ формъ, уставовъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, здѣсь не могло быть рѣшенія по большинству голосовъ; но такъ какъ разнящійся во мнѣніи вовсе не считалъ себя обязаннымъ повиноваться рѣшенію другихъ, то большинство должно было постоянно прибѣгать къ физической силѣ для того, чтобъ заставить меньшинство принять свое рѣшеніе, въ слѣдствіе чего вѣча должны были почти всегда оканчиваться кровопролитіемъ или вообще насиліемъ надъ меньшинствомъ, чему лучшимъ примѣромъ служатъ вѣча Новгородскія. Дитмаръ Мерзебургскій говоритъ о вѣчахъ Лутичей, что здѣсь въ рѣшеніяхъ всѣ должны быть согласны; если же кто противорѣчитъ, того бьютъ розгами; а если и послѣ того опять

---

(1) П. С. Р. Л. I, 83.

(2) Władyku si z roda wyberuce,
 Ky plzne—dle w snemy slawny chodi,
 Chodi s kmetmi, s lechy, wladykami.

будетъ явно сопротивляться приговору, то теряетъ все свое имущество отъ огня и разграбленія, или долженъ откупаться деньгами (1).—

Что касается до отношенія къ собственности, то родовой бытъ условливалъ общую нераздѣльную собственность, и на оборотъ, общность, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, выдѣленіе условливало necessarily и расторженіе родовой связи. Приведенная не разъ старинная Чешская пѣсня говоритъ: «когда умереть родоначальникъ, то все дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода.» Общее владѣніе родовой собственностію необходимо заставляло родичей возстановить значеніе отца, выбрать кого-нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣд. возобновленіе прежнихъ отношеній, какъ они были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе.

Не смотря на давнее существованіе городовъ среди Славянскихъ земель, родовой бытъ не могъ благопріятствовать ихъ размноженію, ибо при немъ каждый родъ любилъ жить особо, чему много способствовало неизмѣримое, дѣвственное, мало населенное пространство земель, обитаемыхъ Славянами. Эта особенность и разбѣянность заставили даже Проконія думать, что Славяне и самое имя свое получили отъ разбѣянныхъ въ далекомъ другъ отъ друга жилищъ—*Σπόροι* отъ *σποράδην* (2). Тотъ же Проконій говоритъ о Славянахъ, что они живутъ въ дрянныхъ избахъ, находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ

(1) *Thietmar. Merseburg. ap. Pertz, V, 812: Liutici unanimi consilio ad placitum suimet necessario discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant. Si quis vero ex conprovincialibus in placito his contradicit, fustibus verberatur, et si forinsecus palam resistit, aut omnia incendio et continua deprædatione perdit, aut in eorum praesentia pro qualitate sua pecuniae persolvit quantitatem debitae.*

(2) *Σπόρος γὰρ τὸ παλαιὸν ἀμφοτέρως ἐκάλεον, ὅτι δι' σποράδην, οἶμαι, διεσπρηνμένοι τὴν χώραν οἰκεῖσι διὸ δι' καὶ, γῆν πολλὴν τινα ἔχουσι. τὸ γὰρ πλεῖστον τῆς ἐτέρας τῆς Ἰστρίας ὅχθης αὐτοὶ νέμονται.*

друга, и часто перемѣняютъ мѣсто жительства (1). По эта непрочность и частая перемѣна жилищъ не была слѣдствіемъ малой осѣдлости, еще нескорепившагося влеченія къ кочевой жизни; она была слѣдствіемъ непрерывной опасности, которая грозила Славянамъ и отъ своихъ родовыхъ усобицъ и отъ нашествій чуждыхъ народовъ. Вотъ почему Славяне вели тотъ образъ жизни, о которомъ говоритъ Маврикій: «У нихъ недоступныя жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устрояютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя какъ разбойники (2). Одинакая причина, дѣйствовавшая долгое время, производила одинакія слѣдствія. Жизнь въ безпрестанномъ ожиданіи вражескихъ нападений продолжалась для восточныхъ Славянъ и тогда, когда они уже находились подъ державою Князей Рюрикова дома: Печенѣги и Половцы смѣнили Аваръ, Козаръ и другихъ варваровъ, усобицы княжескія смѣнили усобицы родовъ, возстававшихъ другъ на друга, слѣд. не могла исчезнуть и привычка перемѣнять мѣста, бѣгая отъ непріятеля; вотъ почему Кіевляне говорятъ Ярославичамъ, что если Князья не защитятъ ихъ отъ гнѣва старшаго своего брата, то они покинутъ Кіевъ, и уйдутъ въ Грецію. Половцевъ смѣнили Татары, княжескія междоусобія продолжались на сѣверѣ, на югѣ настали Польскія наслія, и чтоже видимъ? на сѣверѣ, какъ скоро начнутся княжескія усобицы, сопровождавшіяся насліями для народа, послѣдній покидаетъ свои жилища, съ прекращеніемъ же усобицъ возвращается назадъ; на югѣ безпрестанные побѣги усиливаютъ казачество, и послѣ на сѣверѣ *розбрестися розно* отъ

---

(1) Οἰκῶσι δὲ ἐν καλύβραις οἰκτραῖς διεσκηνημένοι πολλῶ μὲν ἀπ' ἀλλήλων. ἀμείβοντες δὲ ὡς τὰ πολλὰ τὸν τῆς ἐνοικίσεως ἕκαστον χρόνον.

(2) Ἐν ὕλαις δὲ καὶ ποταμοῖς καὶ τέλμασι καὶ λίμναις δυσβάτοις οἰκῶντα, καὶ πολυσχεδεῖς τὰς ἐξόδους τῶν οἰκήσεων ποιεῖμενα, διὰ τὰς ὡς εἰκὸς συμβαινέσας αὐτοῖς περιστάσεις. Τὰ ἀναγκαῖα τῶν πραγμάτων αὐτῶν ἐν ἀποκρύφῳ χωνύουσιν, ἐδὲν περιττὸν ἐν φανερῶ κειτνόμενων, καὶ βίον ζῶντα λησιρχόν.

какого бы то ни было насилия и тяжести было ни почему для жителей. Не нужно прибавлять, что природа страны сильно благоприятствовала такимъ переселеніямъ. Привычка довольствоваться малымъ и всегда быть готовымъ покинуть жилище, поддерживала въ Славянинѣ отвращеніе къ чуждому игу, о чемъ замѣтилъ Маврикій (1). Родовой бытъ, условливавшій раздѣленіе, вражду, и слѣд. слабость между Славянами, условливалъ необходимо и образъ веденія войны, рѣдко наступательной, болѣею частію оборонительной. Не имѣя одного общаго начальника, и враждуя другъ съ другомъ, Славяне уклонялись отъ сколько-нибудь правильныхъ сраженій, гдѣ бы должны были биться соединенными силами на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ. Они любили сражаться съ врагами въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ; если нападали, то нападали набѣгомъ, внезапно, хитростію; любили сражаться въ лѣсахъ, куда заманивали непріятеля бѣгствомъ, и потомъ возвратившись, наносили ему пораженіе. Вотъ почему Императоръ Маврикій совѣтуетъ нападать на Славянъ зимою, когда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снѣгъ препятствуетъ движеніямъ бѣгущихъ, да и съѣстныхъ припасовъ у нихъ тогда мало. Особенно отличались Славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ, гдѣ могли оставаться гораздо долѣе, чѣмъ люди другаго племени; они держались подъ водою, лежа на спинѣ и держа во рту выдолбленный тростникъ, котораго верхушка выходила на поверхность рѣки и такимъ образомъ проводила воздухъ скрытому пловцу. Вооруженіе Славянъ состояло въ двухъ малыхъ копьяхъ; нѣкоторые имѣли и щиты, твердые и очень тяжелые; употребляли также деревянные луки и маленькія стрѣлы, намазанныя ядомъ, очень дѣйствительнымъ, если искусный медикъ не подастъ скорой помощи раненому. Кромѣ этихъ пзвѣстій Маврикія, у Проконія читаемъ еще, что Славяне, вступая въ битву, не надѣваютъ латы; на нѣкоторыхъ нѣтъ даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Проконій не хвалитъ ихъ за опрятность, говоритъ, что, подобно Массagetамъ, они были

---

(1) *Tὰ ἐθνη τῶν Σκλάβων καὶ Ἀντῶν ὁμοίαι τὰτε καὶ ὁμότροπα εἰσὶ καὶ ἐλεύθερα, μηδὲν ὁρᾷς δειλῆσαι ἢ ἄρχεσθαι πενόμενα.*

покрыты грязью и всякою нечистотою (1). Какъ всѣ народы, въ простотѣ быта живущіе, Славяне были здоровы, крѣпки, легко сносили холодъ и жаръ, недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ. О наружности древнихъ Славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны и крѣпки; кожа у нихъ не совершенно бѣлая, волосы длинные, темнорусые, лице красноватое.—

Что касается до религіи Славянъ, то верховнымъ божествомъ ихъ былъ *Сварогъ*. Филологически это названіе объясняется изъ санскритскаго: *сварга*—*coelum Indri, aether* (2); въ Инатъ-евскомъ спискѣ лѣтисчис читаемъ слѣдующее о Сварогѣ (3): «И бысть по потошъ и по раздѣленьи языкъ, поча царствовать первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ *Феоста*, иже и *Соварога* нарекоша Егунтяне; царствующу сему Феостѣ въ Егунтѣ, въ время царства его, спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье.»—И такъ Славянскіи Сварогъ объясняется здѣсь отождествленіемъ его съ древнимъ Феостомъ или Ефестомъ, Вулканомъ, Египетскимъ Фта; Вулканъ есть богъ молніи, коваць небеснаго, божественнаго оружія, въ его царствованіе «спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье.» Что Славяне признавали верховнымъ господомъ вселенной бога, производителя молніи, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ Проконіи (4). Но у этого верховнаго бога, бога молніи, было еще другое народное названіе *Перуна*; и такъ имѣемъ право заключить, что Сварогъ и Перунъ суть различныя названія одного и тогоже божества.

Что Сварогъ—Перунъ, богъ молніи, былъ верховнымъ богомъ, распорядителемъ, раздавателемъ всего, на это ясно указываетъ

(1) *Δίαυταν δὲ σκληράν τε καὶ ἀπημελημένην, ὥσπερ οἱ Μασσαγέται, καὶ αὐτοὶ ἔχουσι καὶ ἑνὸς, ἥπερ ἐκεῖνοι, πλήρεις ἐνδεδεχέσθαι μένουσι.*

(2) См. ст. *Шафарика* «О Сварогѣ,» перев. въ Читеніяхъ Московск. Общ. Ист. и Ар. № 1, 1846 г.

(3) Н. С. Р. Л. II, 3.

(4) *Θεὸν μὲν γὰρ ἓνα, τὸν τῆς ἀστραπῆς. δημιουργοὺν πάντων χύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι.*

одна Сербская пѣсня, въ которой такъ говорится о могуществѣ молніи (1):

Стаде муња даре днѣлити:

Даде Богу небесне висине,

Свѣтом Истру петровске вртине,

А Јовану леда и свијега,

А Николи на води слободу,

А Илији муње и стријеле.

На связь Сварога-Перуна съ оружіемъ указываетъ обычай клясться предъ Перуномъ, полагая оружіе (2); вмѣстѣ съ оружіемъ клали и золото, приговаривая: «Аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ: да имѣмъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ колоти (золоти) яко золото, и своимъ оружіемъ да пѣчени будемъ.» Слова: «да будемъ золоти яко золото» объясняютъ такъ: изсохнемъ, сгоримъ отъ небснаго огня (3). Сварогъ-Перунъ въ народномъ воображеніи представлялся божествомъ-вонителемъ, котораго оружіе было особенно направлено противъ злыхъ духовъ: вѣроятно присутствію послѣднихъ приписывали сгущеніе атмосферы, исчезавшее послѣ грозы. Такъ и теперь простолюдины, во время грозы, затворяютъ окна, опрокидываютъ сосуды, даже чайныя чашки и рюмки, увѣряя, что злые духи, гонимые молніею, стараются скрыться въ какое-нибудь отверстіе.

Верховное божество Сварогъ-Перунъ порождало двоихъ сыновей, двухъ Сварожичей: Солнце и Огонь. Въ приведенномъ выше мѣстѣ Ипатьевского списка лѣтописи читаемъ далѣе: «И по семъ (т. е. по Сварогѣ) царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ.... Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ.» Братомъ солнца, сыномъ Сварога называется также и огонь: «Огневи молятся, зовуть его Сварожницею» (4).» Одного изъ Сварожичей обожали и Западныя

(1) Вука Стефановича I, № 230.

(2) П. С. Р. А. I. 23: Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ, покладаша оружье свое и щиты и золото. Тамъ же стр. 31.

(3) О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ, соч. Фед. Буслеева, стр. 13.

(4) Востокова Опис. Рум. Музея. 228.

Славяне (1). Солнце носило разныя названія: мы видѣли, что оно во первыхъ называлось Дажбогомъ, Даждбогомъ, Дажбою; но, подобно тому, какъ верховное божество грома и молніи, кромѣ Славянскаго названія Перуна, носило еще восточное названіе Сварога, такъ точно и Солнце, кромѣ Славянскаго имени Даждбога, имѣло еще восточное *Хорса* или *Короса* (2). Солнце, какъ видно, считали Славяне преимущественно своимъ божествомъ; на это указываетъ Слово о Полку Игоревѣ, гдѣ Русскіе называются внуками Дажд-Бога. Но если солнце Даждбогъ есть дѣдъ Русскаго народа, дѣдъ Славянъ, то его подъ этимъ именемъ величаютъ и до сихъ поръ въ пѣсняхъ: *Дьдъ* или *Дидъ*; здѣсь же, въ пѣсняхъ, у него есть и другое имя—*Ладъ*—свѣтъ, красота, миръ, любовь, радость. Другое названіе божества солнца, встрѣчающееся въ нашихъ пѣсняхъ, есть *Лѣль*, *Люль*: Лѣль значитъ также дѣдъ: по древнски дѣдъ *lgólga*, т. е. *lgólja*; отсюда Богъ назывался *nos lgólga*, т. е. нашъ дѣдъ, нашъ прадѣдъ (3). Что солнце считалось дѣдомъ или отцомъ народа, на это указываетъ слѣдующая извѣстная пѣсня:

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко!

Твои дѣтки плачутъ,
Пить, ѣсть просятъ (4).

(1) *Thietmari Chronicon*, L. VI, cap. 17 in *Pertz Monum t. V*, p. 812: *Est urbs quaedam in pago Riedirierun, Riedegost nomine... In eadem est nil nisi fanum de ligno artificiose compositum, quod pro basibus diversarum sustentatur cornibus bestiarum. Hujus parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae, ut cernentibus videtur exterius ornant; interius autem dii stant manufacti, singulis nominibus insculpti, galeis atque loriceis terribiliter vestiti, quorum primus Zuarasici dicitur et prae caeteris a cunctis gentilibus honoratur et colitur.*

(2) О тождествѣ Хорса и Дажбога, см. статью О. Бодянского, въ Чтеніяхъ Моск. Истор. Общ. 1846 г., № 2:

(3) *Добровскаго Slovanke I*, 13.

(4) Или: Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ,
Сыръ колунаютъ,

Собакамъ бросаютъ;
Собаки то не ѣдятъ,
А куры то не клюютъ.
Солнышко покажись, и проч.

См. Вука Стеф. Карадж. Српске нар. пејсме I, 49, 97, 111, 119, 198, 199, 276, 277, 336, 312. Краљу, свѣтан Краљу лезо!

Далѣ, по одинакимъ съ Греками представленіямъ, божество солнца у Славянъ почиталось также божествомъ губительнымъ не только для враждебныхъ ему силъ природы, холода, мрака, но и для всего живущаго; въ этомъ смыслѣ оно носитъ названіе *Карачуна* (Аноллонъ-губитель), Крачуна, Кречуна: отсюда въ Сербскихъ пѣсняхъ оно называется *старымъ кровникомъ*: «од бога од старог Крвника (1).»

Какъ вездѣ, такъ и у насъ имя Ладо, языческаго божества, послѣ принятія христіанства, перешло въ имя бѣса, получило дурное значеніе; народъ говоритъ: ступай къ Ладу или къ Ляду, вмѣсто: ступай къ черту; лядащій значитъ слабый, дрянной; самое слово *дядь*, какъ названіе языческаго божества, начало означать черта: Памва Берында отличаетъ дядко отъ дѣдко: «спиде бо пѣццын обыкоша діавола именовати.»

Кромѣ Перуна и Хорса-Дажбога, въ Кіевѣ, во времена Владимира, стояли кумиры Стрибога, Симарглы (Сима и Регла) и Мокоша. О первомъ, какъ о богѣ вѣтровъ, можно заключать изъ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ вѣтры называются Стрибоговыми внуками; объ остальныхъ же двухъ мы, въ настоящее время, не можемъ предложить ничего вѣрнаго (2). Гораздо опредѣленнѣе сказано въ лѣтписи о Волосѣ; такъ читаемъ (3): «А Ольга водиша и мужіи его на роту; по Рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотнымъ богомъ.» Въ другомъ мѣстѣ (4): «Да имѣемъ

(1) Вука Стеф. II, 440.—«Можетъ быть, замѣчаетъ Буслаевъ (О вліян. Хр. стр. 123), въ этомъ языческомъ представленіи заключается причина названій многихъ болѣзней отъ богъ: богине—оспа, божіи бичъ, божа мощь—падучая болѣзнь, божа рука—ударъ, божа рана—чума, божіе—обморокъ.»

(2) По мнѣнію покойнаго *Прейса* (См. Донесеніе его Г. Министру Народ. Просв. изъ Праги, отъ 20 Декабря 1840. Ж. М. Н. П. 1841, часть XXIX) чтеніе Сема (Сима) и регла должно быть предпочтено чтенію Симарглы; Сима и регла Прейсъ считаетъ за одно съ Ассирійскими божествами *Eguel* и *Asirad*, какъ они читаются въ Библии (Кн. Царствъ IV, 17, 30); Симъ оказывается божествомъ огня. Мокошь считаетъ Прейсъ божествомъ женскаго рода, Астартою, при чемъ указываетъ на древнее слово *мокачный*, употребленное нѣсколько разъ у Даниіла Паломника.

(3) П. С. Р. I, 13.

(4) Тамъ же, 31.

клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога.» Это божество такъ странно является среди стихійныхъ божествъ Славянскихъ, что приходитъ на мысль, не замѣствованоли оно у какого-нибудь чуждаго народа, съ которымъ Славяне находились въ постоянномъ соприкосновеніи. У Финновъ есть божество, которое считается господиномъ надъ животнымъ царствомъ кромѣ человѣка; это божество носитъ общее имя *Сторгюннора*, что значитъ *великій господинъ* (1). У Финновъ животное пользовалось особеннымъ уваженіемъ, какого не замѣчаемъ у Славянъ и другихъ Европейскихъ народовъ, слѣд. у Финновъ скорѣе могло образоваться понятіе объ особомъ божествѣ для скотовъ. Замѣтимъ также, что св. Авраамій въ XII вѣкѣ разрушилъ кумирь Велесовъ на Финскомъ сѣверѣ, въ Ростовѣ (2); кумирь этотъ былъ въ видѣ *камня*: это объясняетъ намъ, почему въ начальной лѣтописи мы не находимъ извѣстія объ истуканѣ Волоса въ числѣ истукановъ другихъ божествъ; св. Власій, смѣнившій въ народныхъ понятіяхъ Волоса, особенно почитается теперь на Финскомъ же сѣверѣ, напр. на рѣкѣ Вагѣ, въ Шенкурскомъ и Вельскомъ уѣздѣ (3); Мордовскій праздникъ Вел-Оксъ напоминаетъ также Велеса (4). Наконецъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ мы находимъ, что пѣвецъ Баянъ называется Волосовымъ внукомъ, изъ чего можно заключать, что пѣвцы находились подъ особеннымъ покровительствомъ этого божества. Для объясненія этого замѣтимъ, что по Фински *runa* значитъ и пѣснь, и письмо, и мистерія, и символъ, что *вътъя* въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ пѣсноподворецъ, *вътъство* употреблялось въ смыслѣ колдовства (5), колдовствомъ же отличались особенно Финны.

Мы видѣли, что главныя божества восточныхъ Славянъ были стихійныя—Сварогъ—Перунъ и двое дѣтей его, двое Сварожичей—Солнце (Хорсъ—Дажбогъ) и Огонь: «Уже бо не наре-

(1) Mone—Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa, I, 36.

(2) Прологъ и Миней 29 Октября.

(3) Снегирева Р. простов. праздн. III, 136.

(4) Тамъ же, стр. 138.

(5) Буслаева—О вл. Хр. на Сл. яз. стр. 172 и слѣд.

кутся богомъ стихіа, ни солнце, ни огонь,» говоритъ Кирилль Туровскій. Вода, обоготворялась ли она, или нѣтъ въ образѣ Мокоша, пользовалась также религіознымъ уваженіемъ: «Овъ трѣбу створи на студенци дѣжда пскы отъ него, забывъ яко Богъ съ небесе дѣждъ даеть. Овъ несущимъ богомъ жьреть и Бога створьшаго небо и землю раздражаетъ. Овъ рѣку богиню нарицаеть и звѣрь живушь въ ней яко Бога нарицаа, трѣбу творить (1).» Связь между Стрибогомъ и вѣтрами очевидна изъ Слова о И. И.—Теперь обратимся къ простонароднымъ праздникамъ, въ которыхъ ясно видно, что они въ древности совершались въ честь стихійныхъ божествъ. Первый праздникъ отправляется въ концѣ Декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать; второй праздникъ въ началѣ весны, когда солнце теплотою своею прогоняетъ зиму; наконецъ третій праздникъ въ концѣ Іюня, когда солнце достигаетъ высшей степени своей силы и дѣятельности. Первый праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носитъ преимущественно названіе *Коляды*, хотя этоже названіе при дается и остальнымъ двумъ праздникамъ солнца. У нѣкоторыхъ восточныхъ Славянскихъ племенъ вечеръ на Рождество Христово называется *Керачунъ-вечерь*, вечеръ Карачуна (солнца, губящаго мракъ и холодъ, см. выше); Карачунъ былъ извѣстенъ и на сѣверѣ; такъ въ Новгородской лѣтописи читаемъ: «Стояше вся осенна дѣждева, отъ Госпожина дни до Корочюна (2).» Что касается до словопроизводства Коляды, то очень вѣроятно, что одною изъ составныхъ частей служитъ слово: *Ладъ*: *ко-Ладу* или *коло Лада*. Существенный обрядъ праздника состоитъ въ хожденіи славить, прославлять божество, и собирать подаянія; какъ видно, во времена языческія приношенія собирались для общей жертвы: это видно изъ того, что въ Хорутанскомъ нарѣчій калдовати (колядовати) до сихъ поръ значитъ приносить жертву, калдованцъ—жрецъ, калдовница—жртовенникъ (3). Изъ

---

(1) Кеппена—Библиогр. листы № 7, стр. 88.

(2) П. С. Р. I. III. стр. 9, годъ 1143. Теперь въ народѣ Рождественскій постъ называется Корочуномъ.

(3) *Срезневскаго*—Свят. и обр. яз. богосл. древ. Слав. стр. 66.

обрядовъ коледы въ вечеръ 24 Декабря осталось до сихъ поръ у южныхъ Славякъ принятіе Карачуна: готовятъ большой пиръ, пекутъ огромной величины хлѣбъ, называемый Крачуный или Крачунъ. Съ появленіемъ звѣзды двое почтительно выносятъ большой овсяный или ячменный снопокъ, и ставятъ его въ уголъ избы; прочіе встрѣчаютъ его осыпкою зерновымъ хлѣбомъ изъ миски (1). У Сербовъ вечеръ наканунѣ Рождества называется *бадній вечеръ*: вырубаютъ большое полѣно—*баднякъ*, и кладутъ въ печь, зажигая съ двухъ концовъ. Когда внесутъ его въ домъ, то посыпаютъ пшеницею, и кто внесъ говоритъ: «добры вѣчеръ и честиты бадни вѣчеръ.» Хозяинъ отвѣчаетъ: «И съ тобомъ заодно срѣчно и честито,» и снова посыпаетъ баднякъ пшеницею, приговаривая: «Я тебя пшеницею, а ты меня мушкми главами, стокомъ и пченицомъ и свакомъ добромъ сречомъ.» Послѣ такой встрѣчи кладутъ его въ печь и зажигаютъ; начинаютъ пить изъ круговой чаши, и каждый, взявъ чашу, прежде нежели начнетъ пить, плещетъ на бадняка, приговаривая: «будь здоровъ, бадняче, вѣселяче, съ великомъ и добромъ сречомъ у кучу улега.» Полѣно лежитъ въ печи и тлѣетъ до самаго новаго года (2). Изъ обряда ясно видно, что баднякъ былъ изображеніемъ божества, которому праздновали. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коляда извѣстна подъ названіемъ *Ассеня* или *Таусеня*: это измѣненное *Ясень*, другое имя солнца (3). Изъ пѣсенъ колядныхъ для насъ замѣчательна слѣдующая:

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества
За рѣкою, за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горять,
Огни горять великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,

Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни колѣдушки.
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой бузатный ножъ,
Котелъ кипитъ горячій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.

(1) Терещенко—Бытъ Рус. народа, ч. VІІ, стр. 20.

(2) Попова—Путешествіе въ Черногорію, стр. 223.

(3) Dlugossi—Hist. Pol. I. I, p. 36.

Для объясненія этой пѣсни приведемъ разсказъ объ языческомъ праздникѣ племенъ Латышскихъ: поселяне изъ многихъ деревень собирались на одно мѣсто, гдѣ раскладывали большой огонь и приводили козла; верховный жрецъ клалъ на него обѣ руки, и призывалъ боговъ; послѣ этого присутствовавшіе поднимали козла, и начинали пѣснь, но окончаніи которой опять опускали козла на землю. Потомъ верховный жрецъ увѣщевалъ народъ, прославлялъ благодѣянія боговъ, и требовалъ у присутствующихъ, чтобъ они достойнымъ образомъ совершили празднество; наконецъ убивалъ козла, и мясо отдавалъ женщинамъ для приготовленія; ниръ продолжался до утра (1). — Въ одномъ актѣ XVII вѣка говорится, что въ павечеріи Богоявленія въ Москвѣ народъ кликалъ *Илугу* (2). Что это было за божество—мы не знаемъ; замѣтимъ одно, что обыкновенно послѣ принятія Христіанства имена божествъ, какъ имена бѣсовъ, дѣлались предметомъ омерзѣнія для народа, словами бранными; мы видѣли, что такая участь постигла Ладо; тоже самое случилось и съ Илугою или Плюгою, ибо отсюда произошли слова: плюгавый, плюгавство.

Второй праздникъ имѣлъ мѣсто въ началѣ весны; но такъ какъ это время приходится въ Великій постъ, то, по принятіи Христіанства, празднованіе перенесено на конецъ Рождественскаго мясаѣда, и отчасти на Свѣтлое Воскресенье. И такъ масляница есть языческій весенній праздникъ. На отношеніе масляницы къ солнцу указываетъ слѣдующее обыкновеніе: на огромныхъ саяхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на *колесѣ* вверху столба, утвержденнаго посреди саяей (3); колесо же было у языческихъ народовъ изображеніемъ солнца (4); притомъ на сѣверѣ во время масляницы поютъ также коляду (5), что указываетъ на отношеніе масляницы къ зимнему празднику солнца. Что масляница есть собственно весен-

---

(1) *Eckermann Lehrbuch der Religionsgeschichte und Mythologie der Slawischen Stämme*, II, 70.

(2) Царская грамота къ Шуйскому воеводѣ Змееву 1649 года.

(3) Снегирева Р. II. II, 127, 128.

(4) *Grimm*—D. Mytholog. I, 378.

(5) Сахар. Сказ. Р. н. II, ст. нар. праздн. и обыч. стр. 73.

ній праздникъ, праздникъ встрѣчи весны и проводовъ зимы, указываетъ слѣдующій обычай: въ среду на пятой недѣлѣ Великаго поста въ селеніяхъ Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи бывають сходбища по избамъ для проводовъ зимы. Послѣ работъ выходятъ мужчины и женщины на улицу, берутъ по горсти снѣгу и бросаютъ на югъ. Молодые, неженатые мужики вывозятъ сани, сажаютъ въ нихъ дѣвщъ и женщинъ, съ шумомъ и крикомъ возятъ ихъ по улицамъ, и проч. (1). Известно, что послѣдній обычай есть масленичный. Встрѣча весны и проводы зимы празднуются у всѣхъ Славянскихъ народовъ почти съ одинаковыми обрядами (2). Употребляется заклинаніе весны съ разными привѣтами, напр.

Весна, весна красная!

Приди весна съ радостью, и проч.

Въ Малороссіи и у западныхъ Славянъ зима или смерть олицетворяется въ образѣ женщины, подлѣ именемъ Мары, Мараны, Марены, чучелу которой сожигаютъ. При этомъ у Чеховъ поется:

Giz nesem smert ze wsy.

Nove leto do wsy.

Witex leto libezne,

Obiliczko zelene.

Или «Smrt plyne po wode, nowe léto k nam gede.» Весна встрѣчается обыкновенно на *красной горкѣ*. Тутъ начинаются хоробы или короходы, религіозное значеніе которыхъ и прямое отношеніе къ солнцу не подлежитъ сомнѣнію; это видно уже и изъ самаго названія (короводъ или хороводъ отъ *короса* или *хороса*, божества солнца) и изъ круговой формы. Время воскресенія всей природы и усиленія желаній было самымъ приличнымъ временемъ для заключенія брачныхъ союзовъ и для поздравленія молодыхъ супруговъ. Это поздравленіе извѣ-

---

(1) Тамъ же, стр. 93.

(2) Ср. обычаи разныхъ народовъ, Славянскихъ и неславянскихъ, у Гримма—D. Mythol. II, 742.

стно подъ именемъ *въюннства*, отъ словъ *въюнъ* и *въюница*, т. е. юнъ и юница, молодой и молодая (1).

Третій праздникъ имѣеть мѣсто 23 июня, и извѣстенъ подъ именемъ Ивана *Купалы*, потому что происходитъ на Иѡановъ день. Этотъ праздникъ есть общій не только всѣмъ Славянскимъ, но и многимъ чужеземнымъ народамъ (2). Что касается названія *Купалы*, то мы не рѣшаемся дать предпочтеніе которому нибудь изъ двухъ словопроизводствъ—отъ купанья или отъ *купы*, собранія народа, торжества, праздника по преимуществу. Хотя по обрядамъ праздника можно догадываться, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ — обонмъ Сварожичамъ — Солнцу и Огню, и водѣ; однако можно относить его и къ одному солнцу. Очень естественно могло произойти вѣрованіе, что солнце, дающее силу растеніямъ, особенно даетъ ее, когда само достигаетъ высшей силы; это вѣрованіе должно было повести къ обычаю собирать травы въ лѣтній праздникъ солнца, и приписывать имъ чудодѣйственную силу. Съ другой стороны солнце, производя сильное вліяніе на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вѣра въ цѣлительность купанья во время лѣтняго солнцестоянія, независимо уже отъ естественнаго обычая обмыться ночью, чтобъ встрѣтить въ чистотѣ восходящее свѣтло — божество. Наконецъ зажиганіе костровъ было необходимо для всякаго ночнаго собранія, ночныхъ игръ, было необходимо также и для жертвоприношеній; прыганіе же чрезъ зажженные костры имѣло значеніе очищенія. Вотъ почему ночь на Иѡановъ день сопровождается 1) собираніемъ травъ, 2) купаніемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганіемъ черезъ нихъ. Естественно также, и потому обще не однимъ только Славянскимъ народамъ, принесеніе въ жертву, сожженіе бѣлаго пѣтуха, птицы, привѣтствующей разсвѣтъ, угодной солнцу (ср. самое названіе: куръ-коръ, корсь, хорсь); бѣлый цвѣтъ пѣтуха также относился къ послѣднему. Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣй-

---

(1) См. подробности у Снегир. Р. П. П. III, 28, и Терещенки: Бытъ Р. П. V, 16.

(2) Ср. Гримма D. Mythol. I, 583 и слѣд.

ныхъ явленій. Рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣки бываетъ тогда подернута серебрянымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто, и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою. Утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папортникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія, можетъ влдѣть, какъ разходятся дубы, и составляютъ свою бесѣду, можетъ слышать ихъ разговоры про богатырскіе свои подвиги.—Въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ — серебряномъ, золотомъ и брилліантовомъ, на встрѣчу своему супругу, мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ, и разсыпаетъ по небу огненные искры (1).

И въ лѣтній праздникъ повторяется въ честь солнца обрядъ истребленія чучелы Мары,—холода, смерти: ее топятъ въ водѣ. Естественно ожидать, что у народа, потерявшаго уже смыслъ совершаемыхъ имъ обрядовъ, должно происходить, съ теченіемъ времени, смѣшеніе послѣднихъ; такъ названіе праздниковъ *Колыда* и *Купала* явились уже названіемъ божествъ; такъ чучело Мары смѣшивается уже съ чучеломъ Купалы, хотя нѣсна отличаетъ различіе:

Ходили дѣвочки около Мареночки,
Коло мое водыла Купала;
Гратыми сонечко на Пвана, и впроч.

Солнце, дающее жизнь и ростъ всему существующему, должно было являться силою, возбуждающею естественныя желанія; отсюда празднество Купалы было соединено съ празднествомъ *Ярилы* (2). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ позднѣйшія времена праздникъ Ярилы совершался 24 іюня; но вѣроятно сопротивленіе церкви содѣйствовало тому, что празднованіе его во время поста отмѣнено было въ большей части мѣстъ и перенесено на заговѣнье, на день Всѣхъ Святыхъ или Троицынъ день, или на розговѣнье, на другой день праздника Петра и

(1) Терешенко—Б. Р. Н. V, 79.

(2) Пванъ Купало между чернью называется Ярилою въ Ярославской, Тверской и Рязанской губерніяхъ. Снегирева Р. II. II. 1, 179.

Павла. Такъ какъ въ древности праздникъ Ярилы, по всѣмъ вѣроятностямъ, совпадалъ съ праздникомъ Купалы, то во время его то преимущественно и должны были происходить тѣ сцены, противъ которыхъ такъ вооружается лѣтописецъ и позднѣйшее духовенство; здѣсь, вѣроятно, происходило и умыкываніе дѣвицъ: «Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкываху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся.» Игра *горьлки* всего лучше напоминаетъ это умыкываніе «съ пѣю же съвѣщашеся.» Самое названіе *горьлки* показываетъ, что эта игра особенно производилась во время *горьлокъ*, во время ночнаго празднества, при горѣніи костровъ. Въ Стоглавѣ (вопросъ 24) читаемъ «Русаліи о Іоаниѣ дѣѣ, въ навечеріи Рождества Христова и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на плясаніе и на скаканіе, и на богомерзскія дѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе, и егда нощъ мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсиѣ, умываются водою; и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ дома своя, и падаютъ аки мертвіи отъ великаго хлѣхотанія (1).»

Мы рассмотрѣли поклоненіе стихійнымъ божествамъ; теперь обратимся къ другой половинѣ Славянской мифологіи, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усопшихъ; это поклоненіе у Славянъ было общее съ народами, у которыхъ господствовалъ родовой бытъ, и особенно съ племенами Финскими и Латышскими (2). При вѣрѣ въ загробную жизнь естественно было придти къ тому вѣрованію, что душа умершаго родоначальника и по смерти остается съ своимъ родомъ, блюдетъ за его благосостояніемъ; отсюда произхожденіе духовъ покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича — *Рода* и *Рожаницъ*: «Молятся

(1) О празднествѣ Купальской ночи см. Посланіе игумена Елизаровской обители Памфила въ 1303 году въ Дополн. къ акт. истор. т. I, № 22, также въ Чтеніяхъ Московск. Истор. Общ. № 4, 1846 г.

(2) Mone I, 39: Dass nun bei diesem Volke die Geisterlehre so sehr ausgelehnt wurde, ist nicht zu verwundern, eben so wenig, dass die Hausgeister, welche gewiss die zauberkräftigen Seelen der Väter waren, auf die Nachkommen forterbten.

роду и рожаницамъ....» «беззаконная трапеза, мѣнная роду и рожаницамъ,» читаемъ въ древнихъ христіанскихъ поученіяхъ (1). Хорутане вѣрятъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженицу. *Родоми* называется въ нѣкоторыхъ Славяно-церковныхъ рукописяхъ, равно какъ и въ словѣ Даниіла Заточника, духъ или привидѣніе: «дѣти бѣгають рода.» Въ значеніи Рода, божества-покровителя, является *чуръ*, дѣдъ, прадѣдъ, что ясно пзъ употребительнаго *прачуръ*; *чуръ* предполагаетъ форму *чуръ*, подъ которымъ именемъ собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается и теперь безсознательно въ опасностяхъ, особенно, когда простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: «Чуръ меня! Чуръ меня!» говоритъ онъ тогда. Съ достовѣрностію можно положить, что *Чуръ* и *Родъ* одно и тоже; должно думать также, что съ упадкомъ родового быта и съ усиленіемъ Христіанства на счетъ язычества Чуръ или Родъ перешелъ въ Домоваго. Любопытно видѣть, какъ вражда родовъ отразилась въ повѣрьи о домовыхъ: какъ человѣкъ опасался человѣка изъ чужаго рода, такъ точно видѣлъ большую опасность и со стороны чужаго домового; въ заговорахъ читаемъ: «Отвожу я отъ тебя: черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣснаго одноголазаго, *отъ чужаго домового* (2).» Домовые у Сербовъ извѣстны подъ именемъ *Вѣдогоней*, духовъ, охраняющихъ дома и пмѣніе каждаго отъ воровъ и другихъ вѣдогоней. Когда вѣтеръ срываетъ листья съ деревъ и, колеблясь, они несутся по воздуху, то говорятъ: дерутся вѣдогони (3).

Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ, и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта. Какъ у Славянъ, такъ и у Финновъ было мнѣніе, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинается смѣнять зиму, то прекращается и почной путь для душъ,

---

(1) Востокова Опис. Рум. Муз. № CLXXXI, стр. 228.

(2) Сахарова—Сказ. Р. II. I, стр. 19.

(3) Путеш. въ Черногорію Ал. Попова, стр. 221.

которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни (1). Это мнѣніе естественно протекало изъ поклоненія солнцу, какъ божеству, котораго вліяніе должно было простирается на весь міръ, видимый и невидимый. Въ первый праздникъ новорожденного солнца, въ первую зимнюю Коляду мертвые уже возставали изъ гробовъ своихъ и устрашали живыхъ: отсюда и теперь время святокъ считается временемъ странствованія духовъ. Второй праздникъ Солнца, весенній, есть Масляница, которая вмѣстѣ есть и поминовенная недѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго кушанья. Въ старину первый блинъ отдавался нищимъ на поминъ усопшимъ. Въ степныхъ селеніяхъ первый блинъ кладутъ на слуховое окно для душъ родительскихъ, при чемъ приговариваютъ: «Честные наши родители! вотъ для вашей души блинчикъ (2).» Обряды, какіе наблюдаютъ въ приготовленіи блиновъ, прямо указываютъ на религіозное значеніе этого блюда: выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣчки, колодези и озера, когда появятся звѣзды; приготовленіе первой опары содержится въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ; призывается мѣсяцъ выглянуть въ окно и подуть на опару (3). Съ древней Масляницы, т. е. съ начала весны живые здороваются съ усопшими, посѣщаютъ ихъ могилы, и праздникъ красной горки соединяется съ *Радунцею* (корень *рад*—свѣтъ, *radius*), праздникомъ свѣта, солнца для умершихъ; думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогда во время поминовенія изъ темницъ (гробовъ) (4), и раздѣляютъ поминовенную пищу вмѣстѣ съ принесшими; въ слѣдствіе этого новѣрья зарываютъ красныя яйца въ выкопанныя надъ могилы

---

(1) Mone I, 98, Eckermann I, 240.

(2) Снегирева Р. II. II, 120; Сахарова Св. Р. II, 72.

(3) Сахарова тамъ же.

(4) Grimm—Mythol. II, 706: Es scheint, man dachte sich im grund der erde, gleichsam als decke und gitter der unterwelt, einen stein, der in mhd. gedichten *dillestein* genannt ist. Hierbei erinnere ich mich des *lapis manalis* (Festus s. v.), der die grube des etruskischen *mundus* schloss und alljährlich an drei heiligen tagen abgenommen wurde, damit die seelen hinauf zur oberwelt steigen könnten.

ямочки. Въ Бѣлоруссіи на могилѣ, полнотой медомъ и водою, раскладываютъ кушанья, и привѣтствуютъ покойниковъ: «Святые радзицели! хадзице къ намъ хлѣба и соли кушачъ.» Кушанья должны быть нечетныя и безъ подливки. По окончаніи угощенія обращаются къ покойникамъ: «Мои радзицели! выбачайцѣ, недзивицѣ; чѣмъ хата богата, тѣмъ и рада (1).» Въ Великой Россіи, между прочими причтаніями, употребляется въ это время слѣдующее: «Ужъ ты солнце, солнце ясное! ты взойди, взойди съ полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужъ ты мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди, взойди со вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ, и проч. (2).» У племенъ Финскихъ угощеніе мертвыхъ также въ обычаѣ (3).

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнію природы, находится праздникъ Русалокъ или Русальная недѣля. Ру-

(1) Снегирева Р. Н. П. III, §2.

(2) Сахарова—Сказ. Р. Н. II, 23.—

(3) День всѣхъ Святыхъ для Саволаксіи, особенно для Кареліи и Остроботніи, есть самый большой праздникъ урожая и жатвы. Всѣ отправляются въ бани, чисто вымытыя, оставляя домъ пустымъ, и столъ накрытымъ съ яствами и напитками для какихъ-то пенатовъ, называемыхъ Кёугун höütämät. Никто не имѣетъ права оставаться въ домѣ. Потомъ приготавливаютъ баню съ водою и съ вѣниками уже для домовыхъ.» *Нѣкоторые обычаи, поверья и обряды финляндцевъ*—Вѣсти. Европы 1828, № 13.—Mone, I, 71: Liwen und Esthen haben noch jetzo ein Johannisfest auf den 24 Juni, es ist eine fröhliche Feier, man geht um das Feld, erfleht Aerntesegeu vom Himmel und tanzt die ganze Nacht hindurch. Der Gegensatz ist das Fest für die Gestorbenen, das die Liwen und Letten vom Michelstag an drei bis fünf Wochen lang begehen. Während dieser Zeit wird von der Abenddämmerung an nicht mehr in den Häusern gearbeitet, und früh schlafen gegangen, um die herumgehenden Geister der Väter nicht zu stören. Der letzte Abend des Festes wird mit einem Essen gefeiert, dabei aber den Geistern im Vorhaus auch ein Tisch mit Speise und angezündeten Lichtern hingestellt.

саяки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы, имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ *русый* (свѣтлый, ясный) (1); Русаяки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природою. Народъ теперь вѣритъ, что русаяки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія; но когда всѣ Славяне умирали некрещеными, то души ихъ всѣхъ должны были становиться Русаяками? Онѣ могутъ быть прекрасны и безобразны, благодѣтельны и вредны, смотря по тому, какимъ людямъ принадлежали онѣ. Русаяки появляются съ страднаго четверга (когда въ старину, по Стоглаву, по рану соломѣ палили и кликали *мертвыхъ*), какъ только покроются луга весенней водою, распустились вербы, и живутъ на землѣ неопредѣленное время. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящія изъ могилъ, суть огни Русаяковъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ, приговаривая: «Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила.» Русаяки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на берега выходятъ только поиграть. Вообще у всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ; поэтому и Русаяки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ, являются при колодцахъ, ибо колодцы суть отверстія земли, изъ которыхъ выходятъ души умершихъ. Въ Черниговской губерніи, въ Новгородѣ Сѣверскомъ, есть уважаемый народомъ родникъ *Заручайская криница*, или Сухомлинская, иначе родникъ Ярославовъ, впадающій въ Десну; на срубѣ этой криницы, на разсвѣтѣ въ зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ *Криницы*, прекрасныя дѣвы съ русыми волосами, которые онѣ расчесываютъ (2). Въ народѣ есть мнѣніе, что не надобно оставлять въ цѣлости яичной скорлупы: иначе Русаяки сдѣлаютъ изъ нея себѣ лодки и будутъ плавать на зло людямъ. Съ Троицына дня до Петрова поста Русаяки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ

---

(1) Объ имени Русаяковъ см. подробности у Буслаева: О вл. Христ. на Слав. яз. стр. 13, 20.

(2) Снегир. Р. П. П. I, 172.

пребываніи душъ по смерти (1). Въ Краледворской рукописи читаемъ, что души, покинувъ тѣло, садятся на деревьяхъ (2). Русальныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски, обрядъ, который не у однихъ Славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣламъ умершихъ, ибо человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя, безобразныя существа для того, чтобы пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; ибо если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло, и принимать ту или другую форму: «Се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вопремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ (3).» По свидѣтельству Козьмы Пражскаго (стр. 197), у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ, при чемъ имѣло мѣсто переряживаніе. Это извѣстіе объясняется обычаемъ восточныхъ Славянскихъ племенъ, которыя, по свидѣтельству нашего лѣтописца, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутияхъ, на перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила, подъ которою пер-

---

(1) *Maciejowski—Pierwotne Dziejè Polski i Litwy*, стр. 463: Polak i wszelki Słowianin grzebiąc umarłych w ziemi, mniemal także, iż mieszkaniem duchów są podziemne kraje, lecz kraje te nie byli jednym państwem a powszechném duchów siedliskiem, gdzieby wszystkie przebywały razem, były to raczej pojedyncze miejsca, w lasach znajdujące się, do których wskazywały drogę czarownice, którzy bez ich przewodnictwa cnotliwi tylko znajdowali ludzie.

(2) Tamo i wele duś tekà sémo tamo po drewech,
Jich boję se płactwo i plachy swer,
Jedno sowy nebojà se.

Пан: Ai, a vyide duša z rvucei huby,
Vyletie na drvo, a po drvech
Siemo tamo, doniž mrtew nezžen.

(3) Калайдовича Іоан., Екс. Болг., с. 211.

воначально разумѣлись исключительно души мертвыхъ; другаго происхожденія злыхъ духовъ въ первыя времена наши предки не знали.

У Русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ Русалокъ былъ Семикъ, великъ день Русалокъ; въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ. Мы упоминали уже о томъ, что Масляница была также праздникомъ въ честь усопшихъ; доказательствомъ этому, кромѣ употребленія блиновъ, служить еще тѣсная связь Семика съ Масляницей, связь, сохранившаяся въ преданіяхъ народныхъ: Семикъ у народа пріятель Масляницы; на лубочныхъ картинахъ онъ принимаетъ ее въ гости и величаетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что до Христіанства Радунница соединялась съ Масляницей, и что послѣднее названіе есть позднѣйшее. Въ Семикъ погребали и поминали убогихъ; изъ Стоглава (вопросъ 23) видно, что въ Троицкую Субботу (на русальной недѣлѣ) по селамъ и по погостамъ сходились мужи и жены на жальникахъ и плакали по гробамъ съ великимъ кричаніемъ, «и егда учнутъ скоморохи, и гудцы и прегудницы играти, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и *въ ладони бити*». Битье въ ладони есть обычай Русалокъ. Конецъ Русальной недѣли, Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ Русалокъ; въ этотъ день Русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій; пѣня говорить:

Русалочки, *земляночки*

На дубъ лезли, кору грызли,

Свалилися, забилися (1).

Здѣсь важно выраженіе *земляночки*, указывающее на Русалокъ, какъ на жительницъ земныхъ нѣдръ. Касательно же лазенія по деревьямъ есть драгоценное свидѣтельство, что, по мнѣнію древнихъ Славянъ, души умершихъ должны были жить на деревьяхъ, лазить по нимъ: въ житіи Муромскаго Князя Константина (2) читаемъ: «Кони закалающе, и по мертвыхъ ре-

---

(1) Снегирева Р. П. П. I, 161.

(2) Карамзинъ I, прилжч. 236.

менныя плетенія древолазная съ ними въ землю погребаяще, и битвы и кроеніе и лицъ настреканія и дравія творяще. — Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище: *провожанье Русалокъ*: «Женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу улицъ. Здѣсь распѣвались попеременно хороводныя пѣснп. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу, Русалку, дѣвицы принимали на свои руки, для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ, или защищались сами отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы причитывали похоронныя завыванія, а *отчаянныя, распустивъ косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ* (1). »

Одинаковаго происхожденія съ Русалками *Вилы* южныхъ Славянскихъ племенъ (2), хотя преданія объ нихъ пзмѣнились на югѣ, какъ видно, подъ Греческимъ вліяніемъ, получили болѣе античный поэтический оттѣнокъ. Привязанность Вилъ къ Сербамъ, которыхъ интересы онѣ постоянно поддерживаютъ въ борьбѣ съ Турками (3), указываетъ на первоначальныя родственныя отношенія этихъ духовъ къ племени; древнее обоготвореніе ихъ въ числѣ *тридцати*, вѣроятно, указываетъ на тридцать первоначальныхъ родовъ (4).

Кромѣ Русалокъ, души умершихъ, мертвецы, были извѣстны еще подъ именемъ *Навья*, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки). Подъ 1092 годомъ въ лѣтописи: «Предивно бысть Полоцьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи

(1) Сахарова—Сказ. Р. Н. II, 94.

(2) Объ отношеніи названій Русалка и Вила см. у Буслаева: О вл. Христ. на Сл. языкъ, стр. 20.

(3) Путешеств. въ Черногорію А. Попова, стр. 219.

(4) Востокова Опис. Рум. Муз. № CLXXXI, стр. 228: «Иже суть крестиваѣ вѣрующе.... и въ вилы ихже числомъ тридцать сестрениць.» —

тутѣнъ, станяше по улицѣ, яко чловѣци ршюще *бъси*; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абѣе узавенъ будяше невидимо отъ *бъсовъ* лзвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. По семъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако узавляху люди Полотъскыя и его область; тѣмъ и чловѣци глаголаху: яко *навѣе* бьють Полочаны. — Изъ послѣднихъ словъ ясно видно, что первоначально въ понятіяхъ народа злые духи представлялись не иначе какъ мертвецами. Полное олицетвореніе навія находимъ въ скандинавскомъ пмени карлика: *nâg*, *nâinn*, т. е. мертвецъ (1). Изъ этого сближенія словъ мы видимъ, что духи въ видѣ карликовъ, Славянскіе *людки*, были не иное что, какъ души умершихъ; это представленіе, что души умершихъ имѣють форму чловѣка, только въ уменьшенномъ видѣ, осталось до сихъ поръ въ живописи.

Вотъ главныя, первоначальныя черты вѣрованій восточныхъ Славянскихъ племенъ. Съ теченіемъ времени эти первоначальныя черты могли искажаться: одно и тоже божество у различныхъ племенъ носило разныя названія; послѣ, при сближеніи племенъ, различныя названія могли явиться уже различными божествами. Фантазія стремится олицетворить и обожить явленія природы, которыя первоначально являются произведеніемъ главной силы; естественно олицетворялись Весна и Зима, Жизнь и Смерть природы—одна подъ образомъ прекрасной дѣвы, другая безобразной старухи, и т. п. Стихійныя божества первоначально не имѣють пола, и потому послѣ легко мѣняють его; солнце могло быть легко и мужескаго и женскаго пола, мужемъ и женою мѣсяца. Такъ было не у однихъ Славянъ, но и у народовъ Италійскихъ и Азіятскихъ: Юпитеръ являлся иногда женскаго пола, Венера—мужескаго (2). Но главными искажителями первоначальной религіи народа являются всегда и вездѣ жре-

---

(1) Буслаева—О вл. Хр. на Слав. яз. стр. 64.—Сравни также корень *нур*-, *нурити*, *пзурати*, *absumere*; *нора*, *нырише*, *дѣѣца*, *domus*; *ныряю*. Ср. санскрит. *nr*—*ducere* и *paraka*—*tartarus*. Должно думать, что малороссійскія *мавки*, видъ Русалокъ, суть тоже что *навки*.

(2) *Creuzers Symbolik*, II, 833.

цы и художники; вотъ почему у нашихъ восточныхъ Славянъ, у которыхъ не было класса жрецовъ и не былъ распространенъ обычай изображать божества въ кумирахъ, религія сохранилась въ гораздо болѣе чистотѣ, чѣмъ у Западныхъ Славянъ, у которыхъ городская жизнь и сильное вліяніе чуждыхъ народовъ повели и къ образованію жреческаго класса и къ распространенію храмовъ и кумировъ. Мы сказали, что у нашихъ восточныхъ Славянъ не было класса жрецовъ (1). Лѣтописи совершенно молчатъ о существованіи храмовъ и жрецовъ; нельзя предположить, что, еслибъ храмы существовали, то лѣтописцы умолчали объ ихъ разрушеніи или превращеніи въ церкви при разсказѣ о введеніи Христіанства и испроверженіи идоловъ. Во времена Игоря стоялъ въ Кіевѣ Перунъ на холмѣ, но не въ храмѣ, ибо лѣтописецъ прямо говоритъ: «Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, где стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты и золото.» Нельзя было не сказать лѣтописцу, что они вошли въ храмъ Перуна, тѣмъ болѣе, что Христіанская церковь св. Іліи должна была напомнить ему о храмѣ. О Владимірѣ говорятъ, что онъ поставилъ кумиры на холму внѣ двора теремнаго, и нисколько не говорится о храмахъ. Въ разсказѣ о введеніи Христіанства читаемъ: «Яко приде (Владиміръ), повелѣ кумиры испроверещи, овы осѣчи, а другіе огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневѣ къ хвосту, и влещи съ горы, и проч.» — Ни слова о раззореніи храмовъ. Въ Новгородѣ Добрыня поставилъ кумира надъ Волховомъ, но не храмъ. Слова *требище* и *капище*, употребленныя въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, древнихъ сочиненіяхъ и житіяхъ святыхъ, не могутъ означать храмовъ; *требище*—мѣсто, гдѣ приносилась жертва, *треба*; *капище* происходитъ отъ *капъ*, *ἐκκώη*, *imago* (2); слѣд. можетъ означать и самого идола, и также вмѣстѣ идола, навѣсъ, шатерь; что *капище* не могло означать храма, видно изъ словъ лѣтописца, что Владиміръ, уходя изъ Кор-

---

(1) См. объ этомъ образцовое по времени разсужденіе Митрополита *Платона* въ его Церковной исторіи.

(2) «По капѣ нашею и по образу;» или: «Грѣхъ въ мою капъ сѣтворенаго обетыши.» См. Miklosich, Rad. I. Sl. p. 117.

суня, взявъ съ собою два мѣдныхъ капища (1). Какъ мало было распространено собственно идолослуженіе у нашихъ Славянъ, видно изъ того, что, во первыхъ, не было храмовъ даже и въ главныхъ городахъ, Новгородѣ и Кіевѣ; во вторыхъ, въ главномъ городѣ Кіевѣ изображеніе главнаго божества, Перуна, было деревянное: «И постави кумиры — Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ.» Что идолы были деревянные, видно изъ другихъ мѣстъ лѣтописи: католическіе миссіонеры, убѣждая Владиміра, говорятъ: «Вози ваши древо суть.» Варягъ, у котораго просили сына на жертву богамъ, отвѣчаетъ: «Не суть бо бози, но *древѣ*.»

И такъ, даже въ главныхъ городахъ мы видимъ очень мало слѣдовъ общественнаго богослуженія. Вторымъ доказательствомъ неразвитости его служить отсутствіе жрецовъ: лѣтописцы молчатъ о нихъ. Князь ставитъ идоловъ, Князь приносить жертвы, толпа требуетъ человѣческой крови для боговъ — о жрецахъ ни слова; Князь перемѣняетъ вѣру, всѣ люди дѣлаютъ тоже, — и жрецы не только не противятся, но объ нихъ нѣтъ даже и помину. Эта неразвитость общественнаго богослуженія, отсутствіе храмовъ и жрецовъ не должны нисколько поражать насъ: все это было необходимо при родовомъ, особномъ быту. Въ каждомъ родѣ родоначальникъ, старшій былъ вмѣстѣ и жрецомъ, онъ приносилъ жертвы, онъ гадалъ о будущемъ. Какъ это происходило, показываетъ и теперь еще существующій обычай. Въ Малороссіи, въ щедрый или богатый вечеръ, 31 декабря, каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, кипшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладаномъ, просятъ мужа *исполнить законъ*; отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за грудой всякаго печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «Дежъ нашъ батько?» то онъ спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «Хибажъ вы мене не бачите?» и на слова ихъ: «Не бачимо, тату,» говоритъ: «Дай же боже, щобъ и на той рокъ не побачили.» Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобъ и въ будущемъ

---

(1) П. С. Р. Л. I, 50.

году было такоеже изобиліе всего, какъ въ настоящемъ (1). У западныхъ Славянъ, гдѣ, при большемъ развитіи общественнаго богослуженія, существовали храмы и жрецы, роль отца семейства въ описанномъ обрядѣ занимаетъ жрецъ. Саксонъ Грамматикъ, описавъ праздникъ въ честь Святовида, когда жрецъ перемѣнялъ вино въ рогѣ пшлца, прибавляетъ: «Къ этому же возношенію принадлежалъ и пирогаъ сладкій, круглый (коровай) и величиною почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руанъ—видятъ ли они его? Когда тѣ отвѣчали, что видятъ, то онъ изъявлялъ желаніе, чтобъ на слѣдующій годъ его вовсе не было видно за пирогомъ (2).»

Но если не было храмовъ, то гдѣ же и какъ приносились жертвы старшинами родовъ? Природными жертвенниками, алтарями для младенствующихъ народовъ служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скупа на возвышенности и камни, за то щедра на естественныя капища (шатры, навѣсы)—многовѣтвистыя деревья: подъ ними то преимущественно совершались религіозныя обряды, приносились жертвы. Дерево (по преимуществу дубъ), выбранное для этого, освящалось и становилось само предметомъ благоговѣйнаго уваженія, какъ мѣсто пребыванія боговъ, куда они стекались для принятія жертвъ. Если и теперь въ народѣ осталось мнѣніе, что души умершихъ могутъ питаться нашими кушаньями, то ясно, что прежде это было общимъ мнѣніемъ; отсюда угощеніе усопшимъ. Послѣ должно было явиться другое мнѣніе, что души умершихъ, какъ существа невидимыя, тонкія (*дымецъ малъ*) (3) не могутъ питаться грубыми частями пищи, а должны питаться ея тонкими частями, менѣе матеріальными, испареніями — отсюда обычай сожженій, совпадающій съ высшимъ нечеловѣческимъ учрежденіемъ. Такимъ образомъ по обычаю простаго *покорма* или сожженія жертвъ можно судить о боль-

(1) *Срезневскій*—Свят. и Обр. стр. 77, 78.

(2) *Saxo Gram.* 824, 825.

(3) «И видѣ Шигона духъ его (В. Князя Василія) отшедше аки дымецъ малъ.» Соф. врем. II, 333.

шей или меньшей грубости народныхъ понятій о загробной жизни и божествѣ. Но такъ какъ жертва назначалась первоначально для душъ умершихъ родичей, и такъ какъ вѣрили, что души обитаютъ въ лѣсахъ, на деревьяхъ, преимущественно на дубахъ, то это всего болѣе заставило уважать деревья и приносить предъ ними жертвы. Константинъ Порфирородный говоритъ (1), что Русскіе, приходя на островъ св. Георгія, приносили жертву подъ большимъ дубомъ; въ церковномъ уставѣ Владиміра говорится о тѣхъ, кто молится въ *рощеніи*; въ житіи Князя Константина Муромскаго читаемъ: «Дуплинамъ древянымъ вѣтви убрουμεмъ обвѣшнвающе, и смѣ поклоняющеся (2).» Въ Малороссіи и теперь вѣшаютъ на дубахъ, такъ сказать, въ жертву Русалкамъ полотенца и мотки нитокъ (3). Въ лѣтописи читаемъ: «Тмою идолобѣсія помрачены суще, жертвы богомерзскія богомъ своимъ приношаху, и озеромъ и кладземъ, и рошеніемъ (4).» Кирплъ Туровскій говоритъ (5): «Уже бо не нарекутся богомъ—ни дерева.» Духовный регламентъ запрещаетъ пѣть молитвы передъ дубомъ.

Кромѣ деревьевъ, жертвы приносились также у воды: «Овъ трѣбу створи на студеньци джда пскы отъ него, забывъ яко Богъ съ небесе дждъ дасть. Овъ несущимъ богомъ жьреть и Бога, створьшаго небо и землю, раздражаетъ. Овъ рѣку богиню нарицаеть и звѣрь живущъ въ ней яко Бога нарицаа, трѣбу творить (6).» Въ Густинской лѣтописи читаемъ: «Иныи же кладяземъ, езеромъ, рошеніямъ жертву приношаху. Отъ сихъ едному нѣкому богу на жертву людей топаху, емуже и лоньнѣ по нѣконхъ странахъ безумныи память творятъ: во день пресвѣтлого Воскресенія Христова, собравшеся юніи и

(1) De admin. imp. 9.

(2) Карамз. I, примѣч. 216.

(3) *Касторскаго*—Начерт. Слав. Мнѣ. 134.

(4) П. С. Р. Л. II, 234.

(5) Памяти. слов. XII в. стр. 19. Въ Краледворской рукописи:

Pode vse drva

Vzložie obieti bohóm.

(6) Кеппена—Библиогр. листы № 7.

играюще, вметають человека въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, си есть бѣсовъ, яко вометаемыи въ воду, или о древо, или о камень, въ водѣ разбиваются и умирають, или утопають; но иныхъ же странахъ не вкидають въ воду, но токмо водою обливають, но иначе тому же бѣсу жертву сотворяють (1). » Въ апрѣлѣ 1721 года изданъ былъ синодскій указъ, чтобъ приходскіе священники на святой недѣлѣ не купали и не обливали людей водою; запрещалось это во первыхъ потому, что имѣло вредныя слѣдствія для здоровья, а во вторыхъ потому, что имѣло связь съ языческимъ празднованіемъ Купалу (2). Левъ Діаконъ говоритъ (3), что вонны Святослава погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ послѣ погребенія убитыхъ товарищей. Въ церковномъ уставѣ Владиміра говорится о молящихся у воды; въ правилахъ Митрополита Іоанна: «еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колодеземъ.» У Кирилла Туровскаго: «Не нарицайте себѣ бога.... ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ.» Выше было упомянуто объ употребленіи воды при брачныхъ обрядахъ.

При языческомъ богослуженіи Славянъ были въ употребленіи, какъ видно: мольбы, пѣсни, музыка, пляски и жертвоприношенія. У начальнаго лѣтописца читаемъ: «Сими дьяволъ летитъ, и другими правы, всячьскими лестыми превабляя пыть Бога, трубами и скоморохы, гуельми и русальи (4).» Въ Словѣ Христолюбца говорится: «Не подобаетъ крестьяномъ игоръ бесовскихъ играти иже есть плясба, гудба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идолская (5).» Молитвы сопровождались преклопеніемъ и битьемъ въ чело, какъ читаемъ въ Краледворской рукописи. Выше было упомянуто, что круговая пляска, хоро-водъ, имѣла религіозное значеніе. Что музыка или гудба имѣла такое же значеніе, на это, кромѣ приведенныхъ свидѣтельствъ, есть доказательства филологическія (6). Изъ пѣсенъ языческа-

(1) П. С. Р. Л. II, стр. 257.

(2) Полн. Собр. Зак. № 3771.

(3) IX, 8.

(4) П. С. Р. Л. I, 73.

(5) Опис. Рум. Муз. 229.

(6) Буслаева—О вл. Хр. на Сл. яз. стр. 110, 111.

го содержанія сохранилась одна у Хорватовъ: «Лени Иво терга роже, тебѣ, Ладо, свети боже! Ладо, слушай насъ, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наше клянимо ти: Ладо, слушай насъ, Ладо!» Другая нѣсія языческаго происхожденія, и указывающая на обожаніе солнца, сохранилась у Сербовъ, которые молятъ бога, чтобъ онъ сіялъ: «сіяй, сіяй, боже (1)!» Что касается жертвъ, то мы уже говорили объ нихъ. Какъ видно, у восточныхъ Славянъ были въ обычаѣ закланіе и приготовленіе яствы, *покорми*, а не сожженіе. Что наши Славяне смотрѣли на жертву именно какъ на трапезу, поставляемую богамъ и душамъ умершихъ, видно изъ слѣдующаго мѣста Новгородской лѣтописи (2): «Пріиде къ Новугороду Акимъ Архієпископъ Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче и повелѣ влещи въ Волховъ, поверзавше уже волочаху по калу, бьюще жезліемъ, и заповѣди никомужъ нигдѣже не пріати. И се иде Индѣблянинъ рано на рѣку, хотя горьници везти въ городъ; и сндо Перунъ приплы къ берегови, и отрину его шестомъ. Ты, рече, Перунице, *досити еси пилъ и ялъ*, а пилѣ пловн уже проче.» И по введеніи Христіанства жертвы продолжались по старому, въ домашнемъ кругу, предлагались душамъ усопшихъ родичей, роду и рожаницамъ, и опять въ смыслѣ трапезы, покорма: «И тако покладывають имъ требы и корован имъ ломятъ, моленое то брашно даютъ и ядятъ, ставятъ кумиромъ (3) трапезы котѣйныя и законнаго обѣда нже нарицається беззаконная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ.» Въ этомъ свидѣтельствѣ для насъ важно упомяновеніе о *короватъ*, который былъ священнымъ, жертвеннымъ блюдомъ, на что указываетъ его употребленіе при обрядахъ (напр. свадебныхъ), также самое названіе, предполагающее корень *кор*, *хор*, имя божества солнца (4);

---

(1) Срезневск: Свят. и Обр. 70, 71.

(2) Продолж. Древн. Росс. Вѣдѣн.

(3) Думаемъ, что здѣсь слово *кумиръ* употреблено въ смыслѣ языческаго божества вообще, а не въ смыслѣ истукана.

(4) Въ Орловской губерніи есть обыкновеніе *молить коровай* въ Троицкій день; обыкновеніе это состоитъ въ томъ, что готовится одинъ

сюда же принадлежит другое жертвенное блюдо, до сихъ поръ употребляющееся вмѣстѣ съ короваемъ при обрядахъ, — *куръ*, *кура*, *пѣтухъ*, опять самымъ названіемъ указывающее божество солнца, которому преимущественно приносилось въ жертву. О блинахъ, какъ жертвенномъ блюдѣ, было упомянуто выше; сюда же, вѣроятно, принадлежатъ и *олады* (1).—У западныхъ Славянъ также находимъ извѣстія о подобныхъ *законныхъ обѣдахъ* (2); думаемъ, что здѣсь должно искать начала *братини* или *братовици*.

Есть извѣстіе, что у Русскихъ Славянъ былъ также обычай приносить въ жертву богамъ людей. Эта жертва у народовъ была большею частію умиловительная: при какихъ нибудь общественныхъ бѣдствіяхъ думали, что божество гнѣвается за чьи-нибудь грѣхи, и потому искали преступника, котораго и приносили въ умиловительную жертву; потомъ приносили обыкновенно въ жертву богамъ плѣнниковъ, по господствовавшему мнѣнію, что побѣжденный есть грѣшникъ, разгнѣвавшій божество. Можно думать, что средневѣковой обычай сожигать еретиковъ есть также остатокъ языческихъ понятій. Мы не согласны приписывать обычай человѣческихъ жертвъ у Славянъ чуждому вліянію, ибо думаемъ, что этотъ обычай общъ всѣмъ народамъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ; разумѣется, человѣческія жертвы должны быть въ большемъ употребленіи у народовъ воинственныхъ, чѣмъ у мирныхъ, потому что,

---

общій коровой для стола, а другой для роши, куда съ нимъ послѣ обѣда отправляются гулять и завивать вѣнки. Снег. Р. II. II. I, 183.—Въ Краледворск. рукоп:

Nesmiechu se biti w celo pred bohy,
Ni w sunrky ům dawati testi,
Kamo oteik dawase krmie bohom.

(1) Блины—минны, минци, отъ *мелю*.—Снегиревъ (Р. II. II. II, 117) не безъ основанія догадывается, что названіе *Олады* указываетъ на *Лодо*.

(2) Такъ у Гельмольда: Est autem Slavorum mirabilis error, nam in conviviis et comotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt, non dicam consecrationis sed execrationis verba sub nomine deorum boni scilicet et mali.—Ср. слова во Фрейзингенской рукописи: u circuvah sih clanam ze i modlim ze im i zesti ich pigem i obeti nasse im nezem, и проч.

какъ уже сказано, въ жертву приносились обыкновенно взятые въ плѣнъ непріатели; такъ мы видимъ человѣческія жертвы у воинственныхъ сѣверозападныхъ племенъ Славянскихъ, особенно когда разгорѣлась религіозная борьба съ Христіанами; такъ и у насъ въ Кіевѣ мы видимъ человѣческую жертву при Владимірѣ, во время борьбы двухъ религій. Видятъ также указаніе на человѣческія жертвы въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца: «Привожаху сыны своя и дщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и оскверниша кровьюми земля Руска и холмъ отъ (1).» Здѣсь лѣтописецъ повторилъ тѣ же слова, которые вложилъ въ уста Философу, пришедшему для обращенія Владиміра: «Посемъ же дьяволъ въ болшее прельщеніе вверже чловѣки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣдны, а друзии мрамарны, а нныє златы и сребрены; кланяхуся, и привожаху сыны своя и дщери, и закалаху предъ ними, и бѣ вся земля осквернена (2).» Митрополитъ Иларіонъ говоритъ: «Уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга.»

Въ заключеніе намъ остается сказать о волхвахъ. Мы видѣли, что у восточныхъ Славянъ не было жреческаго класса; но за то были волхвы (3), гадатели, кудесники. О волхвахъ Славянскихъ мы знаемъ очень мало; но нѣтъ сомнѣній, что они имѣютъ тѣсную связь съ волхвами Финскими, по близкому сосѣдству и союзничеству этихъ двухъ народовъ, тѣмъ болѣе, что послѣ, по принятіи Христіанства, волхвы преимущественно являются на Финскомъ сѣверѣ и оттуда мутятъ Славянское народонаселеніе. Финское племя искони отличалось наклонностію своею къ волшебству, искони славилось имъ; у Финновъ преимущественно было развито ученіе о злыхъ божествахъ, о злыхъ духахъ и о сообщеніи съ ними. Финны знаютъ двѣ магіи—бѣлую и черную; черная—адское искусство, отклоняющее людей отъ свѣта

(1) П. С. Р. Л. I, 34.

(2) Тамъ же, стр. 39. Ср. Гельмольда: *Convenient viri et mulieres cum parvulis mactantque diis suis hostias de bobus et ovibus plerique etiam de hominibus christianis.*

(3) О словопроизводствѣ *волхвъ* и *жрецъ* см. у Буслаева: О вл. Христ. на Слав. языкъ, стр. 22, 23.—Miklosich, R. I. S. p. 10.

солнечнаго, враждебное Байвѣ, богинѣ солнца, пронстекаетъ отъ адскаго царства (1). Этимъ объясняется слѣдующее мѣсто лѣтописи (2): « Приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдъ, и приде къ кудеснику, хотя волхвованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ хранину свою. Новгородцю же сѣдѣцю на порозѣ тояже хранины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибе имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: бози не смѣютъ прити, нѣчто имаша на собѣ, его же боятся. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ хранины тое; онъ же начать опять призывати бѣсы, бѣси же метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. По семъ же поча прашати его: что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста? Онъ же рече: то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся. Онъ же рече: то каци суть бози ваши, кдѣ живутъ? Онъ же рече: въ безднахъ; суть же образомъ черни, крылаты, хвосты имуще, всходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ, ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людей, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну.» На это же Финское вѣрованіе указываетъ другой рассказъ лѣтописца о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области; они говорили, что человѣкъ созданъ слѣдующимъ образомъ: «Богъ мывся въ мовнищи и вспотнвъся, отерся ветхомъ, и верже съ небесе на землю, и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ не вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу.» Доброе или бѣлое волшебство пронстекаетъ изъ существа женщины, тогда какъ черноключіе, по своему характеру, есть мужское (3). Изъ этого воззрѣнія Финскихъ волхвовъ можно объяснить ихъ ненависть къ женщинамъ, о которой говорить

(1) Eckermann, I, 142.

(2) Н. С. Р. Л. I, 77.

(3) Mone I, 40; Eckermann I, 141, 142: Merkwürdig ist auch der Gegensatz der Geschlechter in der ganzen Zauberei, besonders beim Kannus. Das Holz musste nach der Sonnengöttin Baiwe zu gewachsen sein, und doch durfte sich kein

лѣтописецъ (1): «Бывши бо единою скудости Ростовѣстѣи области, востаа два волѣхва отъ Ярославля, глаголющи: яко въ свѣѣѣ, кто обилье держить; и поидоста по Волзѣ, кдѣ прилуть въ погостѣ, ту же нарицаху лучшійѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, выпмаста любо жѣто, любо рыбу, и убивашета многы жены.»—Обычай обвинять женщинъ, князей и церковныя власти въ общественныя бѣдствіяхъ былъ распространенъ на всемъ сѣверѣ (2): такъ иногда Новгородцы отказывали въ повиновеніи Владыкамъ (3), Псковичи Князьямъ (4).

Изъ предложеннаго обзора религій восточныхъ племенъ Славянскихъ можно вывести слѣдующее заключеніе: религія эта состояла, во первыхъ, въ поклоненіи стихійнымъ божествамъ, во вторыхъ, въ поклоненіи душамъ умершихъ, которое условливалось родовымъ бытомъ, и изъ котораго преимущественно развилась вся Славянская демонологія. Въ слѣдствіе также родового быта, у восточныхъ Славянъ не могло развиваться общественное богослуженіе, не могло образоваться жреческое сословіе: отсюда частію объясняется то явленіе, что язычество у насъ, не имѣя ничего противопоставить Христіанству, такъ легко уступило ему общественное мѣсто; но, будучи религіею рода,

Weib der Zaubertrommel näheren, wenn nicht ihre ganze Zauberkraft dahin sein sollte. Alles dieses hat darin aber seinen Grund, weil des Weibes monatliches Zauberblood allen Zauber aufhebt.

(1) П. С. Р. Л. I, 73.

(2) *Lappenberg Urkund.* I, 103. Письмо Григорія VII къ Датскому Королю Гаральду 1080 года: «Vos intemperiem temporum, corruptiones aeris, quascunque molestias corporum, ad sacerdotum culpas transferre. Praeterea in mulieres ob eandem causam simili immanitate barbari ritus damnatas, quidquam impietatis faciendi vobis fas esse nolite putare.»

(3) П. С. Р. Л. III, 44: И въздвиже (дьяволъ) на Арсенія мужа кротка и смѣрена крामолу велику, простую чядъ; и створше вѣче на Ярославли дворѣ, и поидоша на владыцнн дворъ, рекуче: того дѣля стоитъ тепло дѣло,» и проч.

(4) П. С. Р. Л. IV, 198: А тогда бяше моръ во Псковѣ великъ; и тогда отрекшася Псковичи Князю Данилу Александровичю: «тебе ради моръ сей у насъ,» и выѣха Князь Данило изъ Пскова.

семьи, дома, оно надолго осталось здѣсь. Если бы у насъ язычество изъ домашней религіи успѣло перейти въ общественную и пріобрѣсти всѣ учрежденія послѣдней, то безъ сомнѣнія оно гораздо долѣе вело бы явную борьбу съ Христіанствомъ, но за то, разъ побѣжденное, оно не могло бы оставить глубокихъ слѣдовъ; если бы Христіанство имѣло дѣло съ жрецами, храмами и кумирами, то низложилъ ихъ, оно покончило бы борьбу; язычникъ, привыкшій къ общественному богослуженію, и лишенный храма и жреца, не могъ бы долго оставаться язычникомъ: еслибъ онъ вздумалъ возстановить храмъ и собрать жрецовъ, то это было бы явное сопротивленіе торжествующей религіи, которое влекло бы за собою опять явное пораженіе. Но язычникъ Русскій не имѣлъ ни храма, ни жреца, и потому безъ сопротивленія допустилъ стронуться по-вымъ для него храмамъ, съ служителями божества, оставаясь въ тоже время съ прежнимъ храмомъ — домомъ, съ прежнимъ жрецомъ — отцемъ семейства, съ прежними *законными* *объдами*, съ прежними жертвами у колодца, въ роуцѣ. Трудно было бороться съ тайнымъ служеніемъ божествамъ скрывааемымъ, домашнимъ.

С. Соловьевъ.

8 Октября 1849 года.